ДЕТИ
ЭДЕМА
ДЖОУИ
ГРАСЕФФА
Бестселлер № 1 The New York Times

Джоуи Грасеффа

Дети Эдема

Серия «Блогер. Fiction»

Серия «Дети Эдема», книга 1

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26073179
Дети Эдема. Роман: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-103391-0

Аннотация

Рауэн живет в мире, где контроль за рождаемостью не допускает ее существования: она второй ребенок в семье. Шестнадцатилетняя девушка вынуждена прятаться в доме родителей. Она не может ходить в школу, заводить друзей, свободно гулять по Эдему… За пределами Эдема планета Земля мертва. Все живое на ней погибло в результате экологической катастрофы. Людям придется ждать еще тысячи лет, прежде чем специально созданная программа исцелит планету и сделает ее снова пригодной для обитания. Рауэн устала постоянно скрываться, ей хочется хотя бы раз в жизни побывать за пределами дома. Однажды она решает сбежать – только на одну ночь. Куда приведет ее эта ночь, полная опасных приключений?

Содержание

1	6
2	22
3	40
4	53
5	71
6	90
7	101
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Джоуи Грасеффа
при участии
Лоры Л.Салливан
Дети Эдема
Роман

Посвящается тем, чье воображение делает мир прекрасным: никогда не оставляйте мечтаний.

И моим читателям, превращающим мои мечтания в действительность.

* * *

Joey Graceffa
Children of Eden

Печатается с разрешения издательства Atria Books, An Imprint of Simon & Schuster, Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg

Copyright © 2016 by Joey Graceffa
Cover design © Krzysztof Iwanski 2016
© А. Анастасьев, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

1

– Еще! Давай еще! – требую я, стуча кулаком по сверкающему металлу обеденного стола под открытым небом. Над нами мерцают звезды, пробиваясь сквозь густую дымку наночастиц, которая защищает нас от губительных воздействий при разрушенной атмосфере. Напротив, по другую сторону стола, мерцают глаза моего брата Эша.

– Жрецы говорят, Рауэн, что именно так предки и погубили нашу планету. «Еще, дай еще!» – вечно требовали они до того самого дня, когда ей оказалось нечего больше дать им и она умерла. – На его лице ухмылка. Я знаю, что он просто дразнится, но все-таки всегда замечаю, как Эш всем телом невольно содрогается при мысли о Гибели Природы. Он регулярно ходит в храм, часами простаивает там на коленях и страстно кается за деяния наших предков. Толку от этого мало. Воздушная оболочка Земли как была разрушенной, так и остается, мир мертв, а мы все еще живы только благодаря чуткому попечению и заботе Экопаноптикума. Никакими молитвами на этом свете больше не вырастить ни единого дерева. Земля ушла в небытие, а мы уцелели.

Я-то в храм никогда не ходила, ни разу. Возможно, если б ходила, то не рассуждала бы так цинично. Но с другой стороны, я ведь, собственно, нигде не была за все эти шестнадцать лет. По крайней мере, формально. Потому что меня,

понимаете ли, не существует.

С таким же успехом я могла бы представлять собой плод воображения своего братца-близнеца. Если бы дело так и обстояло, думаю, он давно уже пошел бы домой и улегся спать. Плод воображения все же легче «стряхнуть» с себя, но я-то не такова, и Эш это знает. Я никогда не сдаюсь. Так что многолетняя привычка – ну и, конечно, мамины напоминания – заставляют его посвящать добрый кусок каждого божьего дня ответам на мои бесконечные вопросы.

Для несуществующей девочки я та еще надоеда. Во всяком случае, так постоянно твердит Эш.

Я лукаво улыбаюсь в лицо брату и снова повторяю:

– Давай еще!

Он медлит. Тогда я, выстрелив пружиной, наскакиваю на него и с размаху валю назад. Стул опрокидывается на толстый ковер из мха, который мама так бережно хранит и лелеет. Эш делает попытку технично откатиться в сторону, но роста мы с ним одинакового, а силы у меня, к его большому смущению, побольше.

– Ну, давай же! Рассказывай, – воплю я что есть мочи, придавливаю его своим весом и начинаю щекотать. Он вертится, извивается подо мной, и вот уже оба мы почти в истерике.

Но тут с веранды доносится ласковый голос мамы:

– Хватит, хва-тит! Хотите, чтобы соседи услышали?

И мы тут же умолкаем. Очень маловероятно, чтобы наш

смех и визги проникли за высокую каменную стену вокруг нашего семейного жилого комплекса, но если все-таки проникнут, будет беда. Никто не должен знать, что я здесь. Разве что маме удастся наплести, будто девчачий смех издавала какая-нибудь забредшая в гости подружка Эша. Да ведь к нам почти никто не ходит! (А когда кто-то все-таки бывает, мне приходится прятаться в одном из множества укромных закутков и наглухо отгороженных потайных комнат, устроенных родителями по всему дому.) Однако всегда остается опасность, что кто-нибудь из особо пронырливых соседей увидит данные видеокамер местного самоуправления и «сложит два плюс два». Тогда мне придет конец. В буквальном смысле.

Так что я помогаю Эшу подняться на ноги, спокойно сажусь напротив и снова приступаю к своему любимому занятию: умоляю – разве что более спокойным тоном – рассказать мне о неведомом мире за пределами нашей семейной обители. Мне не просто не хватает впечатлений от всего того, чего я лишена. Я умираю от их нехватки. С ума схожу.

– Во что сегодня Ларк переоделась после школы?

Ларк – это девочка, которая нравится моему брату, и меня она просто завораживает. Он так ее описывает, что незнакомый образ встает передо мной как живой, и мне начинает казаться, что я с ней тоже дружу. В смысле, дружу так, как если бы была настоящей. Наверняка, встреться мы с ней, сразу стали бы не разлей вода.

Каждый день, как только Эш возвращается домой, я засыпаю его вопросами. Хочу все знать в мельчайших деталях. Где он был, что делал. Для самостоятельного освоения учебной программы мне хватает видеороликов и всяких компьютерных информблоков. Но люди мне интересны куда больше. Их мельчайшие повадки, любые оттенки их поведения приводят меня в восторг.

Что, учительница по истории окружавшей среды сегодня опять заигрывала с директором? А оператор автоциклического сканирования улыбался, когда считывал радужную оболочку твоих глаз при входе в школу? А Брук снова чавкал своими пирожками с красной водорослью?

Это все его знакомые, у меня таких никогда не будет, но я их всех люблю.

Увы, иногда из Эша не вытянешь подробностей, которых я так жажду. Вот спросишь его, что было на Ларк, а он в ответ:

– Что-то такое желтое, кажется…

– Ярко-желтое? Или бледно? – нетерпеливо тереблю его я. – Или с лимонным отливом? Или с лютиковым? Или как солнце?

Ну, то есть, конечно, со времен Гибели Природы (Экологической Катастрофы) ни лимонов, ни лютиков никто не видел, но все же…

– Н-н-не знаю… Кажется, что-то такое… средне-желтое.

– Платьице?

– М-м-м…

Тут я резко и демонстративно откидываюсь на спинку стула.

– Никакого от тебя проку. Ни-ка-ко-го.

Эш, святая простота, никогда не поймет, как вся эта ерунда, в его глазах такая незначительная, может для меня быть дороже и важней всего на свете. Он старается – взаправду, изо всех сил. Но мне всегда мало, всегда недостаточно, всегда хочется еще… Вот так вот мы вдвоем и строим с горем пополам этот призрачный мир для призрачной девчонки. Должна же я быть всегда готова к тому славному дню, когда наконец явлюсь на всеобщее обозрение – вот она я! Если только такой день настанет. Мама с папой всегда уверяют – да, конечно, когда-нибудь… Но прошло уже шестнадцать лет таких уверений, а он все не настает.

Я пристально слежу за тем, как брат мучительно пытается припомнить все перипетии минувшего дня – ради меня, чтобы и я ощутила себя частичкой реальности. Он – мое зеркало, мое отражение, он почти во всем похож на меня. Такие же черные, как ночь, волосы, очертания волевого подбородка смягчены ямочкой, светло-бронзовый цвет кожи. Говорит, что ему не нравится его лицо, слишком тонкие, мол, черты для парня. А я, если бы больше знала о настоящем мире, наверное, считала бы, что у меня – слишком грубые для девушки. По-моему, главное несходство – в линиях челюсти. То есть у обоих у нас они остро и резко очерчены, но Эш, когда чем-то озабочен или взволнован, начинает двигать ею,

словно пытается разгрызть возникшую проблему как орех. (Про орехи я смотрела видео по истории окружавшей среды. Представляете себе, нечто съедобное раньше росло на деревьях!)

А у меня, когда я чем-то расстроена, челюсть напрягается и замирает в неподвижности. Я просто стискиваю зубы до боли в мышцах. И, надо сказать, в последнее время частенько сжимаю.

Есть еще два очевидных различия между нами – ну, не считая пола, конечно. У Эша глаза плоские, светоотражающие, серо-голубые, как у мамы. У меня они странного изменчивого оттенка – он как будто перетекает в зависимости от освещения из зеленого в синий и даже золотистый. Внимательно глядя в зеркало, я вижу какую-то янтарную «звездную россыпь» посреди голубизны, словно крапинки и прожилки метеорами разлетаются по лазурному небу.

Вот эти-то глаза меня моментально и выдали бы с головой, если б кто-нибудь в них заглянул. Ведь всем детям вскоре после рождения вживляют специальные линзы-импланты. Глаз человека миллионами лет эволюции был приспособлен к тому, чтобы выдерживать воздействие световых волн определенной длины. Ну, а теперь, когда земная атмосфера повреждена, мы подвергаемся усиленному низкочастотному излучению ультрафиолета, для необработанных зрачков оно очень опасно. Вот от этих лучей низкого диапазона вживляемые фильтры и защищают глаза моих современников. Вред

для зрения проявляется не сразу, но если не сделать такой операции, рано или поздно ослепнешь. Я пока еще никаких изменений не почувствовала, но все говорят, что годам к тридцати свет для меня начнет меркнуть.

Каждый такой глазной фильтр специально кодируется, чтобы личность каждого жителя Эдема всегда можно было проверить простым сканированием.

Естественно, мне такую процедуру сделать не могли, так что мои радужные оболочки сохранили естественный цвет. Иногда, если Эш смотрит на меня слишком долго, я замечаю, как он щурится и качает головой: видно, они его выводят из равновесия. А папа, у которого глаза матово-карие, как обои на стене, вообще едва может на меня смотреть.

Второе отличие мое от Эша не всякий смог бы распознать. Дело в том, что брат – старше. Всего лишь на десять минут, но что из того – старше же! А значит, он – «законный», он – «нормальный», «официальный», первенец! А я – стыдный для всех последыш, второй ребенок, позор семьи, которому на свет вовсе не стоило рождаться.

Эшу пора в дом, надо доделывать домашку. Мои уроки, заданные мамой в строгом соответствии с тем, что проходит брат, давно выполнены – еще за несколько часов до его возвращения из школы. Ночь сгущается, и я принимаюсь неприкаянно вышагивать туда-сюда по двору. Мы живем в одном из внутренних округов, совсем рядом с Центром, ведь родители оба работают в правительственных структурах. Дом

у нас огромный, места гораздо больше, чем нам нужно. Но всякий раз, когда папа предлагает продать его или сдать по частям, мама пресекает разговор на корню. Это ее дом, доставшийся ей от ее родителей. В отличие от большинства построек во всем Эдеме, он каменный. Если приложить ладони к его стенам, кажется, будто физически ощущаешь дыхание Земли. Камень ведь в каком-то смысле живой. Во всяком случае, живее металла, цемента и солнечных батарей, из которых сложено в Эдеме почти все остальное. Думаю, эти камни побывали в грунте. В настоящей почве – с червями, корнями… с жизнью. В той естественной среде, в какой не бывал никто из нас, эдемцев.

Мох, которым покрыт наш наглухо огороженный двор, правда, живой, но это же – не настоящее растение. Почва ему не нужна. У него нет корней – только нитевидные крепления, которыми он держится за скальную породу. Питается этот мох не из почвы, а из воздуха. Его, как и весь Эдем, ничто не связывает с Землей. А все-таки он растет, существует, и когда я осторожно ступаю по его мягкой поверхности, источает свежий аромат, который поднимается к моим ноздрям. Так что если закрыть глаза, можно представить себе, что ты в густом лесу. В одном из тех, что исчезли без следа почти двести лет тому назад.

Моя мама работает в Центральном отделе актов и хроник главным архивариусом и имеет доступ к самым ценным старым документам, составленным еще до Гибели Приро-

ды (Экологической Катастрофы). На учебных информблоках есть только графические иллюстрации того, как все выглядело раньше, но мама рассказывала, что у них в секретных хранилищах остались картинки – очень ветхие, уже рассыпающиеся. Изображения настоящих тигров и овечек, пальм и лужаек с полевыми цветами. Они настолько старинные и ценные, что хранятся в специальном стерильном помещении и работать с ними можно только в перчатках.

Один такой экспонат мама достала для меня. За такое ее вполне могли посадить за решетку, но она решила, что этой фотографии, наверное, никогда не хватятся, а я заслуживаю – за годы заточения – чего-то особенного. Однажды, перебирая кипы старых документов, мама наткнулась на нигде не зарегистрированный кадр с изображением ночного звездного неба над каким-то огромным ущельем. Он был подоткнут к обратной стороне какой-то другой бумаги и помечен датой – непосредственно накануне Гибели Природы, совсем незадолго.

Знаете, звезды не похожи ни на что из виденного мной за всю жизнь. Их – тысячи и тысячи, они плавают в млечно-белесом «море», а под ними – на той фотографии – угадываются контуры деревьев, уцепившихся корнями за скалистые горы. Такой простор, такую необъятность я едва в силах себе представить. Наш Эдем большой, но автоциклическим сканированием или, проще говоря, автолупой, можно за полдня «прощупать» весь город до мельчайших подробностей. А на

древней, ветхой, свернувшейся от времени в трубочку картинке, которую мама тайком умыкнула мне в подарок, – виден целый мир! Тот самый Мир, единственный и неповторимый. Самое драгоценное, самое заветное мое достояние…

Да и сама мама, поскольку ей часто приходилось рассматривать такие вещи, ценит все живое и дорожит им сильнее, чем большинство людей. По словам Эша, теперь семьи обычно обсаживают дворы веселеньким неоново-зеленым дерном и деревцами из пластика. А вот наша родительница всегда стремится добиться максимального сходства с «оригиналом», даже если в итоге выходит не особенно мило. Кроме мха у нас есть еще и фрагменты скальной породы, поросшие белым и розовым лишайником. Получается будто грязноватая плесень, или, по-научному говоря, слизевики-миксомицеты карабкаются вверх по каким-то диковинным абстрактным скульптурам. А в центре двора разбит еще и меленький пруд, где красные и зеленые водоросли вечно кружатся завитушками в искусственном потоке воды.

Да, жилище у меня роскошное, большое и удобное. Но шикарная темница все равно остается темницей, верно?

Я знаю, что мне не следует так говорить. Родной дом надо боготворить как святилище и страшиться даже подумать, что пришлось бы перенести, если бы его не было. Но все равно никак не могу пересилить это вечное чувство плена. Чувство загнанности в ловушку.

За долгие-долгие часы одиночества я научилась выстраи-

вать жизнь по плотному графику. Если время у тебя свободно – пусто, не заполнено, – начинаешь мечтать, грезить, а грезы для человека в моем положении очень опасны. Учеба, художественные занятия, физкультура следуют своим чередом друг за другом, в неизменной последовательности, и на то, чтобы тосковать о том, что мне все равно не светит, остается не так уж много часов и минут.

Вот сейчас, например, чтобы рисовать, уже слишком темно, а все книжки в Базе данных, мне кажется, я уже прочла. Так что остается бегать.

В тусклом мерцании современных звезд лента дорожки, по которой я каждый день наматываю километры, едва видна. Мох под ногами – упругий, пружинистый, «выносливый» – именно эти качества позволили ему в числе немногих других форм растительности пережить Гибель Природы, но даже он теряет эластичность под натиском моих ног.

Я бегу, и мерный стук сердца гипнотизирует меня, словно заполняя все мое существо до краев. Чувствую, как кровь быстрее разгоняется по жилам. Я толкаю, с силой продвигаю свое тело вперед, и от этого ощущаю себя живой. Живой, в то время как почти весь окружающий мир мертв. Но что хорошего в жизни, если она проходит в заточении?

В досаде я набираю скорость и даже взбиваю ступнями бороздки мха по углам двора. Мама будет сердиться, но мне плевать. Я в бешенстве. В ярости! Какой-то дурацкий, безумный закон замуровал меня здесь, за высокими стена-

ми, превратил в изгоя, в парию, в существо, которое безжалостно заточат в кабалу, а то и уничтожат, если только обнаружат.

Обычно движение придает мне сил, и я начинаю чувствовать себя лучше, но сегодня от него – сплошное мучение. Я так устала, так измотана вечным бегом по одному и тому же периметру, то по часовой стрелке, то против. Я срываюсь. С воплем отчаяния принимаюсь петлять туда-сюда, все ускоряя бег, перепрыгиваю через каменные уступы, покрытые лишайником, через спинки стульев, вскакиваю на стол и обратно.

Вдруг я начинаю задыхаться. Высокие стены словно смыкаются вокруг меня. Как будто собираются перемолоть меня каменными зубами гигантской пасти. Я бросаюсь то в одну сторону, то в другую, врезаюсь в эти проклятые стены, изо всех сил колочу по ним кулаками, рычу и вою от дикой, горькой безысходности. Понимаю, что срываюсь с катушек, теряю контроль над собой, но ничего не могу поделать. Обычно я такая холодно-рассудительная, спокойно-хмурая, управляемая, покорная… но вот иногда – уж почему, мне даже самой не до конца ясно – меня охватывают приступы гнева, и хочется бунтовать.

Самое странное, что больше всего меня сейчас взбесило неумение Эша описать наряд Ларк! Глупость, ерунда, пустяк, каприз, но как же тоскливо, как сосет под ложечкой оттого, что он – он, со всеми его возможностями нормального

свободного человека, не удосужился сделать маленькое усилие: просто заметить, запомнить то единственное, что имело для меня значение. А почему, собственно, оно его имело? Что мне в этой мимолетной детали? Сама не понимаю. Ведь Эш старается, прямо из кожи вон лезет, и наверняка нелегко парню в его возрасте жертвовать чуть ли не всеми развлечениями, убивать львиную долю свободного времени на то, чтобы ублажать подпольную сестрицу всякими историями о жизни «за Стеной». Наверняка я его тоже иногда бешу.

Но сегодня *я* обиделась *на него*, терзаюсь из-за этого чувством вины, и в результате мне еще паршивее. Я сама себе противна. Меня тошнит от Центра с его законами и правилами, отнявшими у меня все. Даже от Экопаноптикума, благодаря которому мы все еще живы. Я просто *должна* вырваться из этих стен. На волю!

С каким-то животным выдохом освобождения я лезу по каменной кладке, запускаю цепкие пальцы рук в наизусть знакомые выемки, втискиваю пальцы ног в щели, где раскрошился строительный раствор. По этим стенам мне часто приходится карабкаться – мама уверяет, что это важная часть моей физподготовки. Почти каждый вечер я добираюсь до самого верха – это около десяти метров – и слегка выглядываю за край.

Но сегодня «слегка» – недостаточно. *Совсем* недостаточно.

Не колеблясь ни секунды, я перекидываю ногу через жест-

кую каменную поверхность – и вот уже сижу верхом на стене, одна половина меня – в заточении, другая – на свободе. Никто меня не увидит, никому не придет на ум задирать голову вверх. Внизу, по ту сторону стены, простирается Эдем, его концентрические круги выглядят какими-то странными, диковинными символами, вырезанными на теле земли. Я взираю на них беспечно и дерзко.

Вместо деревьев на сотни метров выше самых высоких зданий вздымаются шпили синтезаторных станций добычи белка из водорослей. Пульсирующие кольца кварталов сразу за Центром освещены биолюминисценцией[1], и обилие зелени, покрывающей город, видно в ней как нельзя лучше. Эдем в основном оснащен системой искусственного фотосинтеза, который работает почти как настоящая флора – перерабатывает углекислый газ, который мы выдыхаем, в кислород, который мы вдыхаем. Ну, а некоторую его часть производят особо выносливые мхи, плесень и декоративные водоросли, функционирующие в жидких средах, – в общем, все то же, что мама выращивает у нас во дворе. Даже в поздних сумерках заметно, какой у нас зеленый город.

Не знай я, как все обстоит на самом деле, подумала бы, что передо мной буйно цветущая экосистема, а не жалкий эрзац – островок выживания. Что не зелено – то блестит. Большинство домов, в отличие от нашего каменного, выстрое-

[1] Биолюминисценция – способность живых организмов светиться, достигаемая самостоятельно или с помощью симбионтов. – *Здесь и далее прим. перев.*

ны из полимеров и обшиты прозрачными либо светоотражающими фотогальваническими панелями, перерабатывающими солнечный свет в электроэнергию для нашего города. При свете дня Эдем лучится, как гигантский изумруд. Ночью он больше похож на огромный зеленый глаз, на дне которого в мрачноватом сиянии сокрыты многие тайны.

За кольцами дорогих, шикарных ближних кварталов начинаются менее фешенебельные – внешние. Здесь, прямо рядом с Центром, где живем мы, дома – отличные, добротные, просторные. Ближе к границе городских округов они мельчают, скромнеют, застройка становится плотнее. В Эдеме никто не знает голода – Экопаноптикум заботится об этом, – но мама с Эшем говорят, что там, у границы, жизнь совсем не так благоустроена, как у нас, близ Центра.

Что касается внешних рубежей всего Эдема, то даже отсюда, с такой высоты, мой взор до них не дотягивается, но из школьной программы я, конечно, знаю, что́ за ней. Всепожирающая беспощадная пустыня. А еще дальше – такое кошмарное Ничто, что оно вообще недоступно воображению.

По сравнению с нашим двором Эдем – бесконечность. Такой большой он. Такая маленькая я! Город, кишащий людьми… И я – микрочастица в этом водовороте человечества. К тому же за всю жизнь я только трех человек и знала. Мысль о встрече с кем-то еще, если честно, пугает меня сильнее, чем перспектива попасться. Любой незнакомец для меня – опасный зверь.

И все же в этом нашем мире, где жизни нет вообще, я пошла бы на риск быть разорванной на части, согласилась бы сунуть голову в самую страшную пасть, только бы минутку постоять рядом с настоящим тигром, например. И все бы отдала, все, даже эту самую жизнь, только бы увидеть и испытать то, чего я лишена.

Столько раз я думала о том, чтобы *выйти наружу*. Иногда целыми днями ни о чем другом и не думала, соблазн свободы поглощал все мои мысли без остатка, и нельзя было уже отвлечься ни рисованием, ни бегом, ни учебой. И вот сегодня, сейчас, сию минуту, более, чем когда-либо раньше, напряженно размышляя о том, что же сегодня надевала Ларк, о том, что Эш этого не запомнил, а я могу так и не узнать, – я чувствую зов Эдема, самый настойчивый зов, какой мне только приходилось слышать. Да, мне страшно. Но я закидываю другую ногу на стену, и внутренний восторг, буйная эйфория в душе пересиливают страх.

2

Пока я балансирую над пропастью между безопасностью и свободой и решаюсь, так сказать, *низойти* в неведомое, до моего слуха доносится тихий звук: приятный мелодичный перезвон из трех нот, или, иначе говоря, звонок в нашу входную дверь. *Динь-динь-дон*! Кто-то пришел. Я чертыхаюсь, задыхаясь, замираю, и мне кажется, что даже воздух вокруг меня сгущается и холодеет. Неужели меня кто-то заметил? И Зеленорубашечники уже явились по мою душу? Надо восстановить дыхание… Да нет, наверняка просто какая-нибудь курьерская доставка. Или за отцом прислали из госпиталя – на срочную операцию.

Тут во двор украдкой выныривает Эш. Торопливо оглядывается по сторонам, но сразу меня не замечает, поэтому осматривается еще раз, уже помедленнее. Я негромко свищу – на манер одной птички из моего учебного видео. Брат поднимает голову.

– Прячься! – тревожно шипит он. – Там человек в форме сотрудника Центра.

Теперь глаза у меня готовы выскочить из орбит, на какое-то мгновение я ощущаю себя неподвижной, беспомощной жертвой, словно прикованной к чертовой стене.

– Скорей! – повторяет Эш, и даже отсюда, сверху, я улавливаю исходящие от него волны паники.

Слава богу, что я каждый день по этой стене лазаю – только опыт позволяет мне спуститься так проворно. Но все равно в конце меня слегка отбрасывает в сторону, несколько последних метров я пролетаю в свободном падении и приземляюсь на полусогнутых, в низкую стойку.

– Так кто это? – успеваю я спросить брата на стремительном подлете к дому.

Тот только пожимает плечами, не издавая ни звука, если не считать хрипа. Даже такая короткая пробежка – ну, вместе, конечно, с нервным напряжением – дает о себе знать его легким.

– Срочно за ингалятором, – командую я, вдруг перепугавшись за него сильнее, чем за себя.

Брат замедляет шаг, качает головой и, задыхаясь, выпаливает:

– Сперва… спасаем тебя.

– Нет! – Тут я повышаю голос, пожалуй, слишком сильно. – Все со мной будет в порядке. Точнее, *не будет,* только если ты вырубишься. Сам по лестнице сможешь подняться?

Эш все еще дышит неровно, прерывисто. Такие приступы у него случаются нечасто – обычно от внезапной нагрузки или волнения. Но всякий раз, когда они все-таки случаются, у меня возникает страх: еще секунда – и у меня не будет брата. Лицом я, конечно, стараюсь ничего не показывать – знаю, что лишняя тревога ему в подобной ситуации только навредит.

Он просто кивает, по-прежнему опасаясь сбить дыхание речью.

– Ну, ладно. Тогда иди, а я – в укрытие за стенкой.

В нашем обширном и разветвленном жилище четыре таких специальных убежища. Лучшее из них – маленький подвальчик – закрывается специальным подъемным люком, а сверху маскируется ковром и тяжелым креслом. Второе по удобству – углубление в стене за книжным шкафом, который, на сторонний взгляд, невозможно сдвинуть с места, но на самом деле он «умеет» отъезжать в сторону на пневматических колесиках. Вот только, увы, в конструкции этого механизма есть изъян: он запускается только снаружи. Получается, что в обоих этих случаях я завишу от кого-то, кто меня замурует, а потом, соответственно, выпустит.

Так что, если я оказываюсь одна в критический момент, остается нестись либо на чердак – там просторно и уютно, но там и станут в первую очередь искать, если кому-то придет в голову этим заняться, – либо в невыносимо узкий проем между двумя стенами. Зазор там – чуть больше полуметра, раньше он предназначался для какой-то вентиляционной системы, которую потом модернизировали и перенесли в какую-то другую часть дома. Остался от нее только воздуховод, через каковой мне теперь только и остается проникать в этот жуткий угол, где торчать так тяжело, что любая пыточная в сравнении с этим покажется спа-салоном.

…Но Эш все еще задыхается. Я беру брата за руку и про-

вожаю к подножию лестницы, ведущей в его комнату. Точнее, все-таки в *нашу*. У меня есть и собственная спальня, если ее можно так назвать, только вот ничего по-настоящему моего там нет. Она считается гостевой, и каждое утро мне приходится убирать все так, будто никто давным-давно и не думал там ночевать. Если кому-нибудь когда-нибудь придет в голову проинспектировать нашу семейную резиденцию, здесь он найдет лишь опрятную, чистую стандартную кровать, равнодушно ожидающую случайного посетителя.

В остальном, кроме часов собственно сна, у нас с Эшем с самого раннего детства – общая комната. В сущности, у нас *все* всегда было общим. Все мои вещи спрятаны между его вещами в его спальне. И все они выглядят так, что могли бы принадлежать и мальчику тоже. Ясное дело, при такой ситуации «личного имущества» у меня немного. Представьте только, что бы было, если б кто-то обнаружил здесь платьица или голографические плакаты с полуголыми поп-звездами, или еще чем-нибудь таким, что держат у себя в комнатах обычные девочки? Полное разоблачение. Даже одежда у нас с братом почти вся одна на двоих, парная.

Не хочу, не могу отпустить Эша одного. А он чувствует, как я сильнее стискиваю его локоть, как глаза у меня наполняются страхом – такое ведь полностью не скроешь. О нежданном визитере я почти забыла и думать…

– Беги прячься, – хрипло шепчет брат. – Я нормально дой-

ду.

Не уверена, что так и будет, но времени сомневаться совсем не остается. Уже послышался тихий скрип нашей раздвижной парадной двери и сразу за ним – журчание незнакомых голосов. Бросив последний тревожный взгляд на Эша, идущего на трудный штурм лестничного марша, я резко поворачиваюсь на месте и стартую в направлении ближайшего убежища. Только бы успеть.

Через низкую вентиляционную отдушину в донельзя тесную каморку приходится проползать на животе. Причем, если лезть «по-человечески», головой вперед, самой закрыть за собой люк уже не получится. С обеих сторон от меня зазоры сантиметра в два, не больше… Едва захлопнув за собой отдушину, вдруг вспоминаю, что всего несколько минут назад пробегала по мху и карабкалась по скальным выступам во дворе. Не осталось ли на полу, прямо у входа в тайник, предательских следов? Впрочем, проверять уже поздно. Работая локтями и ступнями, я проталкиваюсь примерно на метр поглубже (сантиметра по два за один толчок, не быстрее) и наконец оказываюсь под вертикальной расщелиной, где можно встать во весь рост.

Так, конечно, получше, но ненамного. Здесь не то, что в остальных моих укромных уголках, никакого комфорта не предусмотрено: аварийное убежище на крайний случай, и ничего больше. Вообще, мы регулярно проводим «учения»: мама засекает время, а я на скорость несусь по очереди к

каждому из четырех укрытий и устраиваюсь там. Но всерьез, в боевой обстановке, *этим лазом* мне еще пользоваться не приходилось. Последнее мое, выходит, прибежище…

Ну, стоять можно, и на том спасибо. При каждом вдохе мои грудь и спина «целуют» штукатурку на обеих стенах. Воздух тяжелый: затхло, душно. Я, конечно, давно привыкла ко всяким ограничениям в жизни, но это как-то слишком. Обзор кончается сантиметрах в восьми от глаз…

Однако я – в безопасности. Спряталась надежно. Успела… Незнакомый голос приближается и, к моему удивлению, можно четко расслышать слова – видимо, стена здесь не такая толстая, как мне казалось. На одно мгновение захотелось совершить безумную шалость – постучать в эту стену: пусть с той стороны получат тайное послание от бестелесного духа из невидимых миров. Мама часто рассказывала мне истории о привидениях, почерпнутые из записей и архивов. Раньше, в темные века невежества, люди что только не принимали за чистую монету. Я-то, конечно, этим старым сказкам не верю, но послушать их всегда любила… Однако, если Эш не ошибся, это пришел какой-то чиновник из Центра, а такие господа отнюдь не снисходительны к суевериям и вообще ко всему, что связано с образом жизни человечества до Гибели Природы. Не говоря уже, естественно, о смертельной опасности моего обнаружения.

В общем, я так и остаюсь стоять «на часах» посреди своего жалкого островка безопасности, прямо, как столб, и смирно,

как новобранец-зеленорубашечник. Жду отбоя тревоги.

И понимаю через некоторое время, что сигнал этот сыграют нескоро – голоса людей, явно собравшихся удобно устроиться в нашей гостиной, звучат все четче и четче. Я горько вздыхаю, и тепло моего дыхания, отраженное близкой стеною, возвращается ко мне, согревая лицо.

Хорошенько и не знаю, чего ждала от этого неизвестного посетителя? Наверное, чего-то сжатого и сухо-официального. Скорее всего, он явился по какому-нибудь делу, которое не ждет отлагательства до нового рабочего дня. Или считается, что не ждет. Возможно, мама должна срочно утвердить решение о копировании и распространении какого-нибудь важного до-Гибельного артефакта. Или папа – так же срочно выписать какой-нибудь препарат ограниченной выдачи важной шишке из Центра? Обычно в таких случаях присылают предварительные уведомления: либо звонят по комплексной системе связи «Юником», либо шлют автоматическое сообщение, чтобы известить о своем приближении, в общем – дают мне возможность спокойно спрятаться. Что же могло у них произойти *настолько* экстренного, чтобы нагрянуть вот так, сюрпризом?

…Чего я уж точно не ожидала услышать, так это маминых рыданий. Похоже, она сидит прямо здесь, рядом, по ту сторону стены – уж очень громко раздается плач. Я даже невольно сделала шаг вперед и чуть ушибла палец на ноге. Интересно, они слышали звук удара? Нет, не думаю. Во всяком случае,

незнакомец не прерывает своей речи. Многие слова можно разобрать.

– Через неделю, – произносит он, и я в недоумении хмурюсь.

Что такое должно случиться через неделю и почему мама из-за этого плачет?

– Так скоро? – переспрашивает она с отчаянием в голосе.

Тут вмешивается папа.

– Мы ждали без малого семнадцать лет, – говорит он угрюмо и резко. – По мне, так вышло совсем не скоро.

Без малого семнадцать лет? Значит, это как-то связано со мной? Уж наверное. Или со мной, или с Эшем.

– Сами понимаете, не обошлось без сложностей, – говорит неизвестный примирительным тоном, но я-то слышу в его интонации нотки раздражения. – Достать линзы на черном рынке – это только начало дела. Половина преступного мира в Эдеме промышляет глазными имплантами, зарегистрированными на посторонних владельцев и способными подтвердить регистрацию при сканировании обычного уровня. Настоящая проблема в том, чтобы зарегистрировать нового владельца!

– Мы достаточно вам заплатили, – обрывает его папа. – Этот вопрос следовало решить уже давным-давно.

– Прекрати, – просит мама и тяжело вздыхает. Мне ясно, что она изо всех сил старается взять себя в руки и успокоиться. – Продолжайте, мистер Хилл. Расскажите нам все до

конца.

– Если он сделает все как надо, мне наплевать – как, лишь бы дело было сделано, – вполголоса бросает ей отец. Я так и вижу сейчас выражение его лица, одновременно настороженное, нетерпеливое и капризное, глаза смотрят недоверчиво, искоса. Таким он часто бывает. – Итак, вы сказали, через неделю. Почему не раньше?

Тут снова раздается дверной звонок, и в то же мгновение мама громко ахает, так что мне даже непонятно, на что она так реагирует – на него или на папины слова.

– Вы кого-то ждете? – спрашивает наш посетитель. Он явно встревожен.

Я, как вы понимаете, по-прежнему стою, зажатая в своем закутке, в тесноте и духоте, но это не мешает мне отчетливо, как сквозь стену «видеть», как мама и папа обмениваются быстрыми взглядами. Не все всегда между ними гладко, уж я-то это знаю, но навык невербального общения они не утратили. Я часто задавалась вопросом: а как другие пары, тоже владеют этим трюком – умеют быстро посылать друг другу реплики без слов, одними глазами, и так же быстро приходить к соглашению? А теперь мне еще и стало любопытно – сама я когда-нибудь научусь так общаться с кем-нибудь? Изучу кого-нибудь так же хорошо?..

За стеной происходит какое-то торопливое движение. Потом визитер вдруг издает изумленный крик, и до меня доходит, что его заталкивают наверх по лестнице, прямо к мое-

му чердаку. Что ж. Кто бы он ни был, ему там точно будет удобнее, чем мне здесь.

Несколько мгновений спустя в комнате снова появляется мама, и по ее приглушенному, отрывистому разговору с отцом я догадываюсь, что тот еще не ходил открывать дверь.

– Они его найдут? – спрашивает она.

– Откуда же мне знать? – огрызается папа. – Я ведь даже не представляю, кто эти *они* и чего хотят. Может, просто на работе что-то стряслось?

Мама огорченно вздыхает. Ей бы его оптимизм.

– Ну что же это такое, почему именно сейчас?! Надо как-то вывести его из дома.

– Но ведь он – служащий Центра, разве ему нельзя у нас находиться? Может, он мой приятель, – возражает отец.

– А что, если *они* за ним следили? Раз он связан с черным рынком, такого знакомства позволить себе нельзя. Особенно сейчас, когда мы так близки к цели. У *них* это вызовет подозрения.

– У них возникнет еще больше подозрений, если мы немедленно не откроем, – вполне резонно отвечает отец.

– А где Рауэн? Успела запереться в подвале?

– Не знаю, но она достаточно благоразумная девочка, чтобы никому не показаться на глаза, пока за ней не придет кто-то из нас. Сходи пока, налей себе что-нибудь выпить и присоединяйся к нам через пару минут, как ни в чем не бывало. А то сейчас по твоему лицу кто угодно поймет, что дело

неладно.

И он тяжелой поступью удаляется в направлении входной двери. В гостиной становится так тихо, что я снова слышу звук собственного дыхания. Какое-то время мне кажется, что мама тоже ушла, поскольку и ее шагов – куда более легких – не слышно. Но затем – что это? Раздается легкое поскребывание в стенку, как раз за моим укрытием. Она знает, что я здесь! По крайней мере, догадывается.

Я осторожненько скребусь в ответ – разок, затем еще. И слышу с противоположной стороны легкий ласковый вздох, и чувство любви так захлестывает меня, что я рухнула бы на пол, если б в моем убежище для этого хватило места. Папа всегда делал все от него зависящее, чтобы я была в безопасности, но мама… мама еще и давала понять, что все ее поступки, все ее «меры», все ее жертвы – это от нежности ко мне, а не просто из чувства долга, или от страха, или из-за жестокой необходимости.

Нарочно громко топая, чтоб я поняла: сейчас ее рядом нет, она выходит из гостиной. Но облако любви остается, и чувство одиночества не охватывает меня. Я не ощущаю себя запертой в ловушке. Мне спокойно.

Но проходит совсем немного времени, и это спокойствие испаряется без следа. До меня доносится топот множества сапог. Доказательств у меня нет, но я готова была поспорить бы на что угодно: это *они*, зеленорубашечники, наша эдемская полиция.

Эш их всегда высмеивает. Часто рассказывает, как они с ног сбиваются, выслеживая «озорников», которые взламывают городскую систему освещения и уличными огнями выкладывают неприличные слова вроде *тизак*[2] или *кофаз*[3]. Или – любвеобильных юношей, проникающих после закрытия в лишайниковые сады и обжимающихся там со своими подружками. Что ж, может, для таких вот шалунов с их ребяческими розыгрышами зеленорубашечники серьезной угрозы не представляют и даже оказывают на них воспитательное воздействие. Но мне прекрасно известно, что это – никакая не «потешная команда», а беспощадный боевой корпус, чья задача – выкорчевывать все и вся, что идет вразрез с мерами Экопаноптикума по коллективному выживанию. То есть, меня выкорчевывать, например.

Зеленорубашечники охраняют порядок на улицах и расследуют все правонарушения, происходящие в Эдеме. Больше внимания уделяется при этом внешним кварталам, где народ беднее и во всех отношениях отчаяннее. Но и у нас, во внутренних кварталах, они не дремлют. Раза два я мельком видела, выглядывая через нашу каменную ограду, как они там вышагивают в своих черных сапогах по широким дорогам. Конечно, всякий раз мгновенно «ныряла» обратно и после такого зрелища по нескольку дней не высовывалась

---

[2] الحمار – «тизак» – *араб.* «задница». Видимо, в будущем мире языки смешались.

[3] Словосочетание не имеет смысла ни в одном языке, существующем сегодня.

за стену. Впрочем, саму-то меня никто никогда не замечал, ни стражи порядка, ни обычные люди. У нас на улицах никто не смотрит наверх, тем не менее, я стараюсь уложиться в часы «неверного», тусклого света – на заре и на закате.

И вот зеленорубашечники – здесь, в моем доме, в гостиной. Уж наверное это они. Пришли за мной? Неужели кто-то все же засек мою торчащую над стеной голову и заподозрил неладное? Может, Эш потерял бдительность и где-нибудь обронил неосторожное слово? Да какая разница – если мое существование раскрыто, я попалась. Мое положение безнадежно и безвыходно. Из этого укрытия – один-единственный выход, да, и им можно воспользоваться, лишь скрючившись и начав медленно извиваться. Шансов на побег – ноль. Я зажмуриваюсь и представляю себе черные сапоги, нетерпеливо переминающиеся у камина в ожидании меня. Скоро меня схватят чужие руки и потащат навстречу ужасной неизвестности…

А еще с ними там, кажется, какой-то робот. Судя по тону жужжания и писка – некрупной модели. Неужели незваные гости притащили с собой охработа, меня вынюхивать? Зачем еще он мог понадобиться? Эти боты до всего могут докопаться, от них только и жди беды.

Тут до меня доносится чей-то вкрадчивый голос. Он произносит дежурные любезности, причем безупречное, свойственное жителям Центра произношение безошибочно выдает его принадлежность к элите. К высшим кругам Эдем-

ского общества. А еще этот голос кажется мне смутно знакомым, но чем – не могу вспомнить, пока папа не называет вслух титул его обладателя:

– Присаживайтесь, пожалуйста, господин канцлер, – произносит он тоном таким вежливым и почтительным, к какому на моей памяти никогда еще не прибегал. Все-таки отец и сам достаточно большая шишка в управленческом аппарате: главврач кабинета министров, на большинство народа в Эдеме смотрит сверху вниз.

Ну да, точно. Голос канцлера Корнуолла мне часто приходилось слышать в новостях, да и видеть его самого на экране. Причем, где бы его ни снимали, за спиной всегда – целая когорта зеленорубашечников.

Ну, и что привело к нам домой главу правительства?

Одна половинка меня все еще дрожит от ужаса, другая уже потихоньку успокаивается. Скрывать существование второго ребенка в семье – это, безусловно, серьезное, даже особо тяжкое преступление. Но личного вмешательства руководителя всего Эдема тут точно не требуется. Он послал бы группу захвата из зеленорубашечников – и все, а не маялся бы посреди нашей гостиной в ожидании, пока мой папа велит нашему домработу подать чашечку фальшчая – ароматного душистого напитка из водорослей, генетически модифицированных таким образом, чтобы получался вкус настоящего до-Гибельного напитка из листьев. Нет. Вождь мог явиться только по какой-то сверхужасной причине. Или

сверхзамечательной.

Оказалось, как ни поразительно, – и то, и другое. Как посмотреть.

Канцлер Корнуолл сообщил моему отцу – я это слышала своими ушами! – что нынешний вице-канцлер собирается в отставку по состоянию здоровья.

– Буду рад оказаться полезен: осмотрю его и дам свое заключение, – вставляет отец, но высокий гость пропускает его слова мимо ушей.

– Полагаю, вы окажетесь полезнее Эдему в качестве нового вице-канцлера.

В комнате за стеной воцаряется мертвая тишина. Папа, пробившийся когда-то во Внутренний город из Внешних районов, уже и так высоко взлетел в государственной иерархии – стал главврачом. Но мне всегда представлялось, что этим он обязан своему таланту хирурга, и ничему больше. Теперь выходит, что мой отец вовлечен в серьезные политические игры гораздо глубже, чем я могла подумать. Иначе почему бы выбор канцлера остановился на нем? Ведь если смотреть со стороны, он только иногда выступает с официальными заявлениями по сугубо медицинским вопросам, следит за проведением государственной линии в области обязательной стерилизации и вакцинации, иногда лично ведет высокопоставленных больных – высших лиц государства, членов их семей – и больше ничего…

Вот так сюрприз. Причем, наверное, не только для меня,

но и для самого папы. Ведь мне всегда казалось, что он изо всех сил старается держаться в тени, учитывая его положение. Под положением имеется в виду, конечно, не служебное, а «положение» со мной. Его постыдная тайна. Отец никогда без нужды не высовывается, мало общается с коллегами, как лично, так и в сети – по крайней мере, по сравнению с другими сотрудниками правящего аппарата. С таким «скелетом у себя в шкафу» – точнее, у себя в подвале, не больно-то поустраиваешь вечеринки с коктейлями, верно?

И вот ведь, все-таки каким-то образом привлек к себе внимание.

Тишина повисла надолго. Даже слишком. Наконец папа говорит:

– Для меня высокая честь служить Эдему в любом качестве.

Голос у него какой-то сдавленный – интересно, от нервного напряжения или от желания казаться скромным?

Потом они еще немного поговорили обо всем этом, а я все слушала и теперь продолжаю слушать, почти позабыв о том, первом посетителе – так мне трудно вообразить себе, что теперь будет со мной и всей моей семьей. Вероятно, папе придется переехать жить в сам Центр, подобно остальным руководителям наивысшего ранга? А нам?.. Но это невозможно. Вся моя «система безопасности» намертво связана с *этим* домом, и только с ним.

И тут я слышу, как по комнате прокатывается неболь-

шой робот и останавливается как раз напротив отдушины. Неужели почуял что-то неладное, какой-то признак моего присутствия? Не знаю, что именно это за модель, но если с хорошим объемом и остротой зрения, то вполне может засечь меня сканером даже через крошечные отверстия вентиляции. Он медленно продвигается все ближе, пищит. Но неуверенно – если, конечно, робот способен испытывать неуверенность.

Тем временем канцлер заканчивает:

– Прекрасно. Не стану больше отнимать у вас время. Прошу сообщить мне о своем окончательном решении к завтрашнему утру.

Зеленорубашечная гвардия на заднем плане смыкает строй. Глава правительства щелкает пальцами, мой мучитель-робот ускользает вслед за ним. В гостиной опять тишина. У меня уже одеревенели ноги, и воздух в убежище от моего собственного дыхания стал таким спертым, что кружится голова, но я не решаюсь вылезти без четкого сигнала. А его все нет и нет – похоже, обо мне все забыли.

Выкарабкавшись все-таки наружу, вся припорошенная штукатурной пылью, я застаю в гостиной маму. Одну.

У меня столько вопросов – и о том, первом визитере из Центра, и о канцлере тоже, что я буквально не знаю, с чего начать. Но сперва все же главное – Эш.

– У него был приступ! Прошел? – Я плотно стискиваю зубы в ожидании ответа. А его все нет. Неужели меня ожидает

страшная весть?

– Я только что к нему заходила, он спокойно отдыхает, – наконец говорит мама.

У меня вырывается вздох облегчения. Все остальное как-то вдруг отходит на второй план. Но лишь на полминутки, не больше…

Мама смотрит на меня долго и пристально.

– Что теперь будет? – не в силах больше ждать, выпаливаю я, подразумевая все сразу.

Ответ потрясает меня до самых глубин естества. Словно все мои мечты и все мои кошмары вдруг сбылись одновременно.

– Рауэн, тебе изготовили глазные импланты на новую личность. – Жду, что мама улыбнется, но ее лицо остается неподвижным, и я внутренне подбираюсь, напрягаюсь. – И подобрали новую семью, – продолжает мама. – Через неделю ты уезжаешь.

У меня подкашиваются ноги, и я оседаю на пол по стенке, за которой пряталась несколько мгновений назад.

3

– Не может быть, – слабым голосом стону я.

Столько лет ждала свободы – и вот, пожалуйста…

– Нет! – Я ударяюсь в крик и в исступлении стучу об стену кулаком. Горе и ярость сходятся внутри меня в смертельной схватке. На этот раз я присуждаю победу ярости.

– Ни за что! – ору я что есть силы. – Вы не можете просто вышвырнуть меня из семьи. Из моей семьи! – Я вскакиваю на ноги и… не знаю, что делать дальше: обнимать маму, снова крушить ударами стену, бежать к Эшу или падать без чувств.

Вероятность такого исхода нависала надо мной всегда. Я знала о ней уже много лет. Но верила, что найдется другая возможность.

Верила, неизменно верила, что родители меня не отдадут. Никогда, никому.

Но в нашем мире у второго ребенка в семье только два пути: жизнь в вечном заточении… или жизнь под чужим, новым именем.

Вернее, конечно, есть еще один путь – самый распространенный: уничтожение после зачатия. Или после рождения. Причем независимо от того, сколько времени с рождения минуло.

Когда двести с лишним лет назад Земля погибла, челове-

чество – наряду со всеми остальными высшими биологическими видами – было обречено. Все, что крупнее инфузории-туфельки, разом вымерло, да и для инфузорий жизнь, если на то пошло, стала, наверное, совсем не сладка. Единственное, чем люди тут отличались от всех остальных – тем, что они свою участь заслужили. Это была их вина.

Мы – единственные животные, у которых хватило ума и способностей создать атомную энергию, разорвать планету к чертовой матери на куски, отравить океаны и извергнуть в атмосферу химикаты, которые ее и разрушили. Мы, так называемые разумные создания, доэкспериментировались с цепочками ДНК бобов сои до того, что соя стала сверхстойкой, способной пережить любые катаклизмы, накормить собой весь мир и… столь агрессивной, что «съела» все леса. Мы поработили других живых существ, чтобы поедать их, распихали их по тесным загонам и заставили тонуть там в их собственных испражнениях. А чтобы они не гибли раньше времени, пичкали их антибиотиками (и детей своих тоже ими пичкали), а потом удивлялись, когда бактерии, на которых мы таким образом «охотились», мутировали в таких же, как наша соя, суперустойчивых к любому воздействию микрочудовищ.

Мы погубили мир, и самих себя заодно. Земля стала умирать. Парниковые газы окончательно захватили своими невидимыми щупальцами солнечное тепло, и средняя температура за одно десятилетие подскочила на двадцать два

градуса по Цельсию, превратив планету в одну большую раскаленную печь. Тогда одна группа ученых разработала блестящий план: исполинским «уколом» впрыснуть в эту печь некий революционный состав, который исправит дело.

Угадайте, что из этого вышло.

Нет, я ничего не говорю, Земля действительно подостыла. Но взаимодействие солнечного излучения с новой, рукотворной атмосферой вызвало химическую цепную реакцию, разом уничтожившую почти все оставшиеся формы жизни.

Вернее, все, кроме немногих из нас, людей. Вы ведь не забыли, что мы наделены умом и способностями? Так вот, лучшим их применением за всю историю человечества стало создание некоего более «умного» – и более доброго – механизма, чем мы сами. Когда стало абсолютно ясно, что Земле крышка, без вариантов, некий фантазер сконструировал Экопаноптикум, или Всевидящего хранителя природы.

Теперь Экопаноптикум – наш Бог, родитель, лекарь и царь в одном лице. Мы передали ему бразды правления над нами, ибо поняли, что самим нам доверить их нельзя. Но власть его нам не в тягость, ибо, как у родной матери перед младенцем, у Экопана перед нами – лишь один долг и одна задача: не дать погибнуть, сохранить существование.

У самих нас, брошенных на произвол судьбы в этом суровом, страшном, «сломанном» мире, во плоти и крови, в наших слабых, ненадежных, беззащитных телесных оболочках не было бы ни единого шанса выжить. Но выяснилось, что и

без нашего участия созданные нами штуковины как ни в чем не бывало продолжают работать. Что именно придумал тот человек, Аарон Аль-Баз, изобретатель Экопана? Он придумал искусственный интеллект, подсоединенный к интернету, сетям связи и вообще всей электронике, оставленной нами после себя. Интеллект этот полностью поглотил, вобрал в себя все созданные ранее системы: управление электростанциями, силовыми установками, реакторами, промышленными объектами – словом, всем, что сыграло ключевую роль в Гибели Природы, и обратил их в дело спасения планеты. Экопан повелел заводам производить роботов, не забывая подключать каждого из них к его Всемирному Всевидящему Оку. Роботы, в свою очередь, создали для кучки выживших homo sapiens новое пристанище, новый дом – Эдем. Одновременно искусственный интеллект принялся за ликвидацию последствий опустошения, причиненного нами планете. К сожалению, на то, чтобы отремонтировать мир до состояния, пригодного для безопасной жизни людей, уйдут еще сотни лет. Придется до поры до времени сидеть в маленьком искусственном раю, устроенном для нас могучим Экопаном.

Конечно, как и во всяком уважающем себя раю, тут есть свои непреложные правила. Попробуй только их нарушить – сразу вылетишь из него.

Во-первых, поскольку мы – общественный организм полностью герметичный, закрытый в себе, ресурсы у нас очень жестко ограничены. Животных и растений, пригодных для

еды, не осталось, приходится кормиться тем, что в биологическом аскетизме своем сумело пережить Гибель Природы: плесенью, водорослями, лишайниками, ну и еще синтезированным белком. Всё (то есть абсолютно всё – только вдумайтесь!) в городе перерабатывается и используется повторно. А что делать? Всего двести лет мы заперты в своем Эдеме, до Восстановления Земли остается еще как минимум тысяча. Необходимо соблюдать крайнюю осторожность.

Ирония судьбы: человечество вымерло почти полностью, но все равно выходит, что осталось слишком много народу. Слишком много, чтобы поддерживать существование всех и каждого в Эдеме тысячу лет подряд… Ничего не оставалось Экопану, кроме как вычислить идеальный размер жизнеспособной в таких условиях популяции, то есть точное число особей, необходимое для поддержания вида на тот момент, когда он сможет выйти за пределы Эдема. До тех же пор надо постепенно снижать это число.

Поэтому Экопан, в великой мудрости своей, постановил: на одну семью, на одну пару разнополых лиц детородного возраста – только один ребенок, пока объем популяции не совпадет с идеальным. Стоит нам нарушить данный закон, размножиться хоть немного сверх нормы – и средства к существованию иссякнут, а жалкие остатки рода человеческого исчезнут, теперь уже бесповоротно, навсегда.

Какой-нибудь более трезвомыслящий искусственный интеллект, вероятно, предпочел бы отбраковать лишнее насе-

ление с самого начала, а потом – удобства ради – поддерживать уже полученное безупречное количество особей. Но я уже говорила: Экопан нас любит, как родная мать. Он решил спасать нас со всем возможным милосердием и гуманностью.

Так что все мы, вторые дети в семьях (если только такие, кроме меня, еще есть), – просто чудовища, ставящие собственный биовид под угрозу самим фактом своего существования. При одной мысли об этом я испытываю острое чувство вины. Ведь я ем, дышу воздухом, оставляю после себя отходы, и всем этим, выходит, слегка подталкиваю Эдем к краю бездны.

Я тут лишняя.

А все же я рада, что живу. И намерена цепляться за эту жизнь всеми силами своего эгоизма. Пусть Экопан или кто-то еще только попробует отнять ее у меня.

Только теперь я начинаю осознавать всю глубину последствий моего пребывания в этом мире. Мама берет меня за руку и мягко усаживает на диван. Ее прикосновение успокаивает. Помню, когда я была еще совсем маленькой и заболевала, лечил меня, конечно, отец, но лучше мне всегда становилось именно в мамином присутствии.

Тепло ее ладоней, свет любви, доброты в глазах оказывались сильнее всякого лекарства.

И теперь в моей душе воет сирена: все это мне предстоит утратить, променять на свободу. Но свобода того не стоит!

– Все дети рано или поздно вырастают, – нежно говорит мама. Ее нижняя губа чуть-чуть подрагивает. – Взрослеют и улетают из родного гнезда.

– Но не таким вот образом, – сквозь стиснутые зубы выплевываю я. – Не навсегда, без права вернуться!

Она вздыхает:

– Тебе слишком опасно здесь оставаться.

– Почему?! – запальчиво вскрикиваю я. – Почему со своими поддельными имплантами и документами я не могу стать тем человеком, что записан в этих документах, но остаться жить здесь, с вами?

– Рауэн, ты ведь вела очень уединенную жизнь под нашей защитой, – снова начинает мама, и я не могу удержаться, чтобы не прыснуть даже в такой ситуации. Преуменьшение века, никак не меньше… – Ты не отдаешь себе отчета в том, каково там… – Мама жестом показывает на стену, за которой невидимо пульсирует необъятный город. – *Там* за тобой всегда кто-то следит. От Зеленых Рубашек и служб Центра до безобидного крохотного уборкобота, который рыщет по улицам, убирая отходы. Все они вечно начеку, вечно высматривают – где что хоть на йоту не так, как следует. Не так, как принято. Тем более, что папа занимает такой высокий пост, а теперь вот, видимо, заберется еще выше… – Тут по ее лицу пробегает гримаса, смысл которой мне трудно разгадать. – Уж мы-то окажемся под особо жестким контролем. Ты получишь документы на имя абсолютно постороннего нам че-

ловека. Совершенно невозможно измыслить убедительную причину, по которой такой человек мог бы поселиться у нас. Начнется расследование, и все те годы, что мы тебя с таким трудом растили, пойдут насмарку.

– Но, мамочка… – пытаюсь перебить я.

– Милая, это вопрос жизни и смерти. – Мама прижимает меня к себе крепко-крепко. – Если не выйдет, если хоть что-то пойдет не так, если у кого-то возникнут хоть малейшие подозрения – это смерть. А жизнь, если все у нас получится, будет подлинная, настоящая, полноценная жизнь, жизнь для тебя – с друзьями, с интересной работой, а когда-нибудь, со временем – уже и со своей собственной семьей. – Она переходит на шепот и прижимается щекой к моей щеке. Такое ощущение, что уже навсегда прощается.

– Я не хочу расставаться с тобой и с Эшем! – печально всхлипываю я. В груди у меня все еще царит ярость, но тяжкая грусть, тоска уже подбираются к ней.

– Ты заслуживаешь лучшей доли – в нормальном мире. Доли полноценного человека, – отзывается мама, и часть меня уже готова с ней согласиться, но… Это все равно что голодающей девочке предлагать отравленную еду. Она бы и рада наброситься на угощение и проглотить его поскорее, потому что нуждается в нем каждой крупицей своего существа, но ведь знает, бедняжка, что…

– Ничего такого особенного я не «заслуживаю», – возражаю я.

– Заслуживаешь, – возражает мама. – И гораздо большего, чем думаешь.

Что-то в ее интонации привлекает мое внимание, заставляет запнуться.

– Что ты хочешь этим сказать? – настороженно спрашиваю я.

Она прикусывает губу.

– Да нет, ничего, просто так…

– Мама! Не скрывай ничего.

И она мне рассказала все. И вправду, лучше бы не рассказывала.

От подлинной истории моего появления на свет мир навсегда перевернулся для меня вверх тормашками.

Когда мама узнала, что в положении, ее только что сделали главным архивариусом, и она с головой была погружена в такую прорву важнейших дел, что ее ведущим доктором на семейном совете решили по факту назначить папу. Это позволило ей первые несколько месяцев не пропускать ни единого собрания на работе – за ее правильным питанием следил отец, прямо на дому. Он же делал ультразвуковые снимки и контролировал здоровье плода. Беременность протекала без осложнений, так что казалось – опасаться нечего, и можно передоверить заботу о маме узкому специалисту уже на более поздних сроках.

Так все и шло, хорошо и благополучно, до третьего месяца, а на третьем месяце папа «услышал» в животе у мамы

два бьющихся сердца.

Что надлежало делать маме? К чему в такой ситуации обязывал ее закон Эдема? Немедленно доложить о своем состоянии в Центр и оставить судьбу обоих зародышей на его усмотрение. В большинстве подобных случаев одного из них умерщвляют немедленно. Специальная коллегия постановляет, кому умирать: иногда один из эмбрионов представляется с медицинской точки зрения очевидно сильнее, «нормальнее» другого. Иногда решение зависит от того, кто сейчас нужнее для сохранения баланса популяции: мальчик или девочка. Но в большинстве случаев это – чистая лотерея. Одно дитя получает право жить, другое истребляется еще до родов.

– Мы не смогли. Просто не смогли заставить себя это сделать, – вспоминает мама со слезами на глазах. – В тебе не было и восьми сантиметров, мы тебя еще никогда не видели в личико, но уже любили всем сердцем. И сразу решились – во что бы то ни стало спасти, сохранить вас обоих.

Она сказала «мы», но, судя по тому, как относится ко мне папа, по этому его вечно холодному взгляду, устремленному на меня, я уверена – не «они», а «она», мама одна решилась пойти на такое, а отец подчинился из любви к ней. Еще бы. Ведь на *нее* он никогда так не смотрит.

– Мы сумели все скрыть. И роды, конечно, тоже. Сказали, что они пошли так стремительно, что мы не успели, мол, даже добраться до больницы. А на самом деле я мучилась

больше суток. Здесь, дома, в глубокой тайне. Ужасно мучилась. Но когда ты появилась на свет, Рауэн, а ты появилась первой, и я заглянула тебе в глазки, то сразу поняла – оно того стоило. Все – и режим секретности, и дрожь от страха, что нас раскроют, и те трудности, что уже пришлось пережить, и множество тех, что еще предстояли… Все на свете. Мы просто не могли не подарить тебе мир и тебя миру, мы обязаны были вырастить нашего второго ребенка.

Но ведь я родилась первой! И вот теперь гляжу словно сквозь маму в прошлое и *вижу* другую жизнь, жизнь, в которой *я* была бы настоящей, не пряталась бы от людей, ходила бы в школу и заводила друзей, имела бы свою комнату, свои игрушки, свои вещи. Смеялась бы и болтала с Ларк и остальными, ну а Эш…

Нет. Стоп. Мне, конечно, хотелось бы, чтобы так было, но не за его счет. Не вместо него.

– Потом на свет появился Эш. Совсем крошечный, синюшный. Целую минуту не мог сделать первый вдох, а когда это у него наконец получилось, стало ясно, что дело плохо. Папа сразу диагностировал тяжелое врожденное заболевание легких.

Я ее понимаю, и мама видит, что я понимаю.

– Нам пришлось выдать его за первого, Рауэн. То есть за единственного. Выбора не было. Без интенсивной терапии он не прожил бы и нескольких месяцев. Если бы скрыли его, у него не осталось бы никаких шансов на жизнь.

Это безусловно так, но за этими словами, за паузами между ними, сокрыта и другая горькая истина: если б Центр узнал правду, в живых оставили бы меня, независимо от порядка рождения близнецов. Ликвидировали бы Эша. Я, сильная и здоровая, представляла ценность для Эдема. Он – нет. Наверное, ему и так-то позволили *остаться* только из-за высокого служебного положения родителей. У бедняков с периферии, из отдаленных кварталов города, такого младенца-доходягу забрали бы на устранение и предложили бы попытать счастья еще разок.

Я вся – как в лихорадке. Ужасные, злые, гневные мысли кружат и пляшут в моей голове. Жестокие, горькие, недостойные. Недостойные любви, заботы и защиты, окружавших меня с рождения. Но я не в силах прогнать их прочь. *Меня лишили моей судьбы*.

Мама рассказывает о том, что должно случиться вскоре, но я почти ее не слышу. Я отправлюсь в какой-то секретный хирургический центр. Там мне вживят вечные линзы – глазные импланты. Потом тайком доставят в новый дом, к новой семье. Я даже толком и не понимаю, как это все возможно. Если уж моим родителям недоступно сочинить легенду, по которой я могу жить с ними, то что говорить о каких-то незнакомцах?

Тут на лестнице появляется Эш. Он идет, протянув руку к стене, но не касаясь ее, словно не вполне доверяет еще своей способности нормально передвигаться. И улыбается мне

слабой, какой-то жалкой улыбкой.

Я мечу быстрый взгляд на маму, она качает головой. *Брат не знает*.

А я хочу, чтобы он узнал, хочу выкрикнуть правду во весь голос. *Ступай, прячься теперь ты в нору, второрожденный! Верни мне свободу, мою свободу по праву!*

Ненавижу себя за это желание.

И не могу больше оставаться в этом доме. Ни за что.

4

Мама, наверное, думает, что мне просто нужна минутка наедине, чтобы разобраться во всем этом, осознать сказанное ею, поэтому, когда я убегаю в сад, она не идет за мной. Эш тоже остается на месте. Наверное, это она его удержала, не пустила… «Наедине», значит? Как им в голову могло прийти, что мне захочется остаться одной после того, как вся моя жизнь, по существу, протекла в этом состоянии? Мой мир состоит из трех человек, и всех их целыми днями нет дома. У них – свои дела и заботы. Я существовала и существую в режиме одиночества. «Наедине»… Вот уж последнее, в чем я нуждаюсь, – уединение.

Нуждаюсь я – тут меня внезапно осеняет – во всем том, в чем мне было с рождения отказано. Осеняет – и сразу внутри меня опять поднимаются злость, обида, отчаяние. Почти семнадцать лет моя судьба, с моего же согласия, находилась в руках родителей. Зависела от всяческих махинаций и взяток, которые они платили… чтобы избавиться от меня. Теперь пришло время взять дело в свои руки. Может, я и не *настоящая*, не существую в глазах остальных, полноценных граждан, выживших на Земле, но неужели за свою собственную участь, за то, что произойдет со мной, не могу отвечать я сама? Хотя бы только одной этой ночью, а?

При этом со смутной, щемящей тоской на душе я со-

знаю, что в конце концов придется подчиниться родительским планам. В глаза мне вставят линзы, эти линзы намертво «прикрепят» меня к чужой личности. Потом «найдется» новая семья, и ей эта личность каким-то непонятным образом подойдет. Только так. Но вот прямо сейчас я должна, просто обязана хоть попробовать на вкус все, что было недоступно мне все эти годы. Все, на что я имела законное право, о котором узнала несколько минут назад.

Я снова взбираюсь на высокую каменную ограду нашего двора. Эдем окружает меня своим блеском: зеленовато-голубое – как от цветных гирлянд – биолюминесцентное сияние модифицированных микроорганизмов, которое по ночам насквозь пронизывает город, обеспечивая его основное освещение, смешивается с электрическими вспышками, возникающими повсюду, где движутся человеческие существа. Передо мной раскрывается диорама таких вспышек, где люди как бы возникают и исчезают ежесекундно в образе резко контрастных теней. Вон там, в конце квартала, наш сосед, с которым я никогда не встречалась и не встречусь, открывает входную дверь и выходит в ночь. На долю секунды создается ощущение, что весь город сосредоточивает на нем внимание, изучает его. Затем улица словно бы сама по себе подумала-подумала и решила впустить его в себя: она зажигается у него под ногами сотнями огней. Сосед направляется в сторону района развлечений, и огни ведут его за собой, направляют его шаги, но деликатно и ненавязчиво, так, чтобы

он только понимал: его не покинули, не бросили. И вот уже его собственный, индивидуальный световой сигнал на моих глазах теряется вдали – и манит меня за собой, словно блуждающий фонарик из маминых старинных детских сказок.

С моей верхотуры мне видны сигналы еще нескольких человек из нашего Жилого кольца – все они движутся к соседнему, где можно весело провести время, закатиться на вечеринку, в клубы, рестораны и Театр. Ах, если бы только и мне было куда пойти, если бы только меня кто-то где-то ждал… Я представляю себе, как прихожу в шумную компанию, и со всех сторон вдруг раздаются приветственные возгласы, все называют меня по имени, манят к себе. Чья-то рука подает мне бокал, с чьих-то губ слетает беззаботная шутка о чем-то, что всем нам *вместе* хорошо знакомо. Мне здесь рады. Меня ждали. Я своя.

И я снова перекидываю одну ногу через стену. Но только теперь и вправду перелезаю на ту сторону. И начинаю спуск.

У мамы есть привычка повторять: «знаю» что-нибудь там «как свои пять пальцев». Так вот, этим выражением можно определить всю мою жизнь *до* нынешней минуты. До того, как я, отчаянно отдуваясь и порядком выбившись из сил, начинаю медленно скользить вниз с внешней стороны нашей дворовой ограды, у дальнего ее конца.

В *первые* мгновения этого *первого* моего побега из дома меня переполняет чувство *инакости*. Чувство отличия. За все эти годы я, конечно, успела изучить *свой* мир до мель-

чайших деталей, до тошнотворных подробностей. Если бы вдруг ослепла, то могла бы и не обратить внимания – я и без всяких органов чувств идеально ориентируюсь в нашем крошечном «государстве». С внутренней стороной стены мы заодно – каждая выемка и каждый выступ тут помогают ногам, как ласковые ладони друга. А эта сторона словно старается оттолкнуть меня прочь.

Я держусь отчаянно, цепляюсь за все, за что только можно зацепиться, и застываю буквально в нескольких метрах от основания ограды. Усилием воли успокаиваюсь, снова ловлю равновесие и стараюсь ощутить в толще бессловесных камней многовековую память Земли. Это «упражнение» немного помогает – мне удается спуститься еще на несколько сантиметров. Дышу медленно, размеренно, и кажется, что скальная порода дышит со мной в унисон, ритмично отдаляясь и прижимаясь к моей груди. Мимолетно улыбнувшись этой мысли, я продолжаю спуск.

Но вот еще лишь два упора ступнями, два захвата руками – и один из уступов, как мне сперва показалось, устойчивый, крепкий, обрушивается подо мной. Пальцы рук лихорадочно напрягаются, потерявшая опору ступня бешено скребет по гладкой поверхности в поисках новой. Насилу успела нащупать. Носок туфли еле удерживается в крохотной выемке. И что еще хуже, руки продолжают бессильно скользить.

Понятное дело: с внутренней стороны о состоянии ограды никто особо не заботился – нужды нет. Все тамошние неров-

ности, шероховатости, расщелины и трещинки исправно работали на меня. А тут, с фасада, товар показан лицом, поэтому строительный раствор в кладке относительно свежий, и камни отполированы глаже. Так что и «опорные отверстия для скалолаза» гораздо у́же, чем я привыкла.

Я из последних сил впиваюсь одной рукой в нечто, хоть отдаленно напоминающее углубление в стене, а пальцами другой принимаюсь инстинктивно, нервно – наподобие одного из тех давно вымерших членистоногих, которых называли пауками, – ощупывать стену в поисках еще одного отверстия, поудобнее. И, представьте, нахожу! Теперь надо подтянуться повыше, но только ни в коем случае не прижиматься к ограде слишком тесно: если это допустить, то она, ограда, наоборот, с силой отбросит мое тело от себя в сторону.

Где-то в отдалении вдруг раздаются голоса, но мне не до них: все внимание сосредоточено на том, чтобы не упасть. До земли еще метров шесть. Если упасть, то, может, конечно, и не расшибусь. Во всяком случае, я замечаю, что все это рискованное скалолазание немножко помогло: отвлекло меня от гнева, возмущения и сумятицы в голове. Трудно предаваться абстрактным эмоциям, знаете ли, когда твоя жизнь – ну, или во всяком случае сохранность конечностей висит на волоске.

В общем, мне уже удалось переместиться еще на пару метров вниз, когда я четко поняла: голоса приближаются. Очень

осторожно, чтобы не потерять весьма шаткого равновесия, я верчу головой, стараясь уловить – откуда именно. *Бац* – есть! Самым дальним краешком бокового зрения ухитряюсь заметить: в двух перекрестках от меня – патруль зеленорубашечников. Сверху он как бы накрыт сверкающей огнями полусферой, плюс у каждого стража порядка в руках – по карманному фонарю. Фонарные лучи направлены в разные стороны от общего центра, так что картина в целом представляет собой какое-то многорукое морское чудовище. Зеленорубашечники прочесывают окрестности, отслеживая любые подозрительные проявления, – обычная история.

Если они меня заметят, то, пожалуй, примут за отморозка с Периферии Эдема. Шпана под синтетической дурью в поисках бабла на новую дозу – история не менее обычная.

Что может заинтересовать их сильнее, чем девчонка, карабкающаяся по стене частного владения в шикарном районе близ самого Центра? Разве только девчонка – второй ребенок в семье, никому не известное и нигде не зарегистрированное существо без глазных имплантов. Я ведь не простая преступница. Мне, собственно, и терять нечего – могу подчиняться правилам ровно в тех пределах, в каких захочу. Подозрение в покушении на чужую собственность для меня – пустяк. Я сама по себе являю грубейшее нарушение закона и порядка.

Однако, пожалуй, пора этому ходячему (точнее, лазающему) нарушению, этой несуществующей нелегальной девчон-

ке и домой возвращаться. По мере того как угроза разоблачения нависает надо мной все отчетливей, недавний порыв к свободе как-то растворяется в воздухе. Они меня не видели – лучи фонарей направлены в другие стороны, – но *они близко*, намного ближе, чем можно было бы желать.

Я снова бросаюсь обшаривать поверхность где-то над головой в поисках уступа, но когда пальцы мои его находят, вдруг происходит нечто странное – голова кружится, обрывки мыслей словно вылетают через уши… Весь окружающий мир слегка содрогается, осколок кладки остается в моей ладони. Я слишком резко повисла на камне, и вот теперь кубарем – аж дух противно захватывает – лечу вниз, причем пытаясь хоть как-то замедлить падение, хватаясь за что ни попадя, и только обдираю кожу со всех сторон о стену. Кажется, что проходит целая вечность, хотя на самом деле я сверзилась только где-то на полметра, повисла и болтаюсь теперь на одной руке (она страшно болит при этом), а до финиша еще метра три.

Тот камень, что не выдержал моего веса, с оглушительным грохотом раскалывается где-то внизу. Теперь все зеленорубашечники точно сюда сбегутся, не сомневаюсь я – и ошибаюсь. Они – там, у себя на посту, – вообще никак не реагируют. Дышать тяжело, и хочется зареветь от собственной глупости – и как это вообще я додумалась сама, одна лезть в большой мир? У меня и снаряжения подходящего нет, я совсем не готова. Да что там, я ведь спокойно, не прячась,

даже из дома выйти не могу. Да и что, собственно, я собиралась здесь делать? Пойти на вечеринку? Познакомиться с кем-нибудь? Я ведь, наверное, и на улицах сразу заблудилась бы. И разговаривать с кем-то, кроме родных, кроме тех, кого знаю с рождения, не умею!

Еще каких-то несколько мгновений назад мне адски хотелось бежать. Теперь так же безумно тянет вернуться, укрыться в тепле, в безопасности, где все надежно. *Через три дня* все равно предстоит уезжать. Надо лелеять каждую оставшуюся минутку и дорожить ею… Или это я просто уговариваю себя? Какая-то часть моего существа по-прежнему стремится наружу, в город; жаждет бросить вызов судьбе, всю жизнь державшей меня в заточении.

Однако, как ни извивайся, ни раскачивайся и ни тянись, а нащупать новую точку опоры повыше на стене не получается. Угодила я в ловушку, откуда вверх пути нет, только вниз.

Пытаюсь представить себе лицо мамы, когда она услышит звонок в дверь, откроет и увидит на пороге – *с той стороны* – меня, всю в краске стыда. Вот уж она расстроится.

Еще несколько минут уходит на то, чтобы сползти достаточно низко для мягкого приземления. Все! Отталкиваюсь от стены. Легонько спрыгиваю. И сразу замираю во внезапном изумлении.

Я упираюсь ногами в земную твердь, и эта твердь – не дома. Я – *снаружи*. Впервые в жизни. Смотрю вниз, раскачиваюсь взад-вперед с носка на пятку, задираю носки кверху –

чтобы разглядеть под ними *новизну*. Собственно, ничего особенного там не оказывается. Только гладкое, ровное, чистое, блестящее, светочувствительное покрытие, каким выстлано большинство вертикальных и горизонтальных поверхностей в нашем городе, чтобы впитывать солнечную энергию. Но все равно – *я* ни с чем подобным раньше никогда не соприкасалась.

Я выбралась! Я на свободе!

И сама поверхность земли как будто жжет мне ноги электрическими разрядами, чтобы они двигались сами по себе, без моего хотения. Я делаю шаг… и шаг этот – не к парадному входу в наше жилище, а *от* него. Прочь от близкого и знакомого, от надежной и безопасной тюрьмы. Навстречу опасностям свободы.

Еще один шажок. Все тело рвется бежать, резвиться и скакать – как во время особо бурных приливов энергии еще там, во дворе. Но нельзя привлекать внимания. Третий шаг – и вот я уже на обыкновенном, общедоступном тротуаре. Между ним и проезжей частью высажен рядок искусственных деревьев. Мне известно, что выглядят они в точности как старые, настоящие, живые, когда-то покрывавшие планету, росшие привольно даже в самых больших, густонаселенных городах. *Когда-то*, до Гибели Природы. Но эти – все равно фальшивые, как мои новые документы. Просто древообразные маленькие заводики фотосинтеза, производящие кислород для нас, жителей Эдема – и ничего больше.

Я прикасаюсь к одному стволу. Он холоден и безжизнен.

Словно в тумане, или даже во сне я следую плавным изгибам тротуара. Иду вперед по родной улице. Она находится всего в трех жилых Кольцах от Центра, но довольно тиха и спокойна по всей своей окружности. Дома здесь низкие – в два-три этажа всего. Такими они должны быть в Ближних кольцах согласно эдемским нормативам – чтобы Центр был отовсюду виден во всей своей величавой красе. Я бросаю через плечо взгляд на эту громаду, на ее изумрудный купол, огромным многогранным глазом сияющий в сердце города. Мне иногда кажется, что это глаз самого Экопаноптикума надзирает за Эдемом, хотя я прекрасно знаю, что Центр – это просто комплекс учреждений, где работают серьезные высокопоставленные дяди и тети вроде моих родителей.

Но сегодня это – точно мыслящее существо. Вон как оно зловеще уставилось на меня из темноты!

Поспешно развернувшись к «глазу» спиной, расправляю плечи – и вперед. В глубь Эдема.

Уже ночь, но на улице еще довольно много народа: кто просто болтает с соседями, кто возвращается домой из ресторанов. Некоторых я здесь узнаю, хоть и видела их лишь на закате или на рассвете, выглядывая из своего «гнезда». Куда бы они ни сворачивали, мягкие всполохи бегут чуть впереди, освещая пространство на несколько шагов, и сразу гаснут за их спинами. А вот меня эти огоньки не сопровождают – город словно закрывает на меня глаза, исторгает из себя.

Всю жизнь я провела в уверенности: стоит выбраться за пределы двора, как все тут же сбегутся меня хватать. Но вот выбралась, и странное дело: прохожие (пусть довольно редкие) не обращают на мою персону никакого внимания. Это, конечно, приносит облегчение, но и слегка уязвляет…

Внезапно открывается какая-то дверь, и оттуда, нашаривая на ходу по карманам ключ-карту, выходит мужчина. В свете огней, льющихся от его дома, он видит мою тень, на долю секунды поднимает взгляд, наскоро улыбнувшись, кивает мне с улыбкой и поворачивается обратно – закрыть замковый механизм. Раньше, чем мужчина успевает это сделать, я уже прохожу мимо его порога. Потом выясняется, что ему в другую сторону.

А я остаюсь ликовать и дрожать. Первый контакт с незнакомцем!

Однако если забыть об осторожности, моя *инакость* очень скоро раскроется! Надо надвинуть кепку поглубже на нестандартные «калейдоскопические» глаза, теснее запахнуться в бледно-золотого цвета куртку и, пожалуй, еще ссутулиться немного на ходу. Какая досада, что дорожное освещение на меня не реагирует. Так-то никто, возможно, прямо в глаза мне смотреть не станет и, значит, не заметит, что линз нету, но то, что я тут единственная расхаживаю в облаке тьмы, рано или поздно вызовет интерес. Есть только два выхода: либо поскорее добраться до более людных районов, где мое «облако» растворится в свечении всех остальных, либо

отправляться прямиком домой.

Естественно, лучше домой. Интересно, мама уже заметила мое отсутствие? Или, полагая, что я дуюсь себе в подушку, решила оставить меня наедине с тяжелыми думами? Во всяком случае, если она поняла, куда я делась, то теперь наверняка в панике.

Надо, надо идти домой. Но я сворачиваю в сторону ближайшего квартала развлечений.

Радиальные трассы, лучами разбегающиеся от Центра, в Эдеме, как правило, более оживленные – тут больше работают и торгуют, чем живут. Та улица, по которой топаю сейчас я, – пешеходная, но только здесь, на этом участке: посередине протекает канал, а по краям – дорожки для прогулок. Многие магазины – большей частью ювелирные, а также одежды и домашнего декора – уже закрыты, но по глади канала лодочник, отталкиваясь шестом от дна, еще катает пару сидящих в обнимку влюбленных. Водная гладь мерцает, как ртуть, серебристо и покойно – до тех пор, пока нос суденышка не рассекает ее. Тогда она вдруг вспенивается, разлетается брызгами – словно резвящимися рыбешками, которые тут же превращаются в змейки легкой ряби.

Здесь, хотя рабочий день и закончен, все еще куда больше народа, чем на нашей улице, и весь этот народ движется в одном направлении – к кварталу развлечений, расположенному на очередной кольцевой магистрали. Тут, вблизи от Центра, эти окружности коротки, так что ряды ресторанов, клу-

бов, баров, театров и всякого такого занимают их целиком. Дальше в сторону окраины они разрастаются до огромных размеров. Слишком много места, чтобы отдать его на откуп увеселениям, да и населению тамошнему по бедности не на что расхаживать по заведениям. Впрочем, помнится, мама говорила, что и там чего-чего, а баров предостаточно.

Я сливаюсь с толпой так, что отсутствие у меня собственного света незаметно в чужом, и тут вдруг понимаю, что все это время не перестаю по-идиотски ухмыляться – от волнения и нервного возбуждения. А между тем меня по-прежнему никто не замечает. Никто не видит во мне никаких коренных отличий от себя, для всех я такая же, одна из многих – спешу по своим делам, к своим друзьям, веселиться в своей компании…

Меня окружают предметы незнакомые, виденные только украдкой и издали, с моей заветной ограды. Слева, например, – спираль одной из биоразводных станций. Башни таких станций вздымаются гораздо выше остальных, даже самых высоких зданий в Эдеме – им ведь надо «ловить солнце». Внутри там, как мне хорошо известно, по сложной системе труб и шлангов течет жидкая суспензия из генно-модифицированных водорослей – она активно питается солнечным светом и превращается в питательное вещество, которое удовлетворяет все потребности современного человека. Его развозят по производственным комплексам, где превращают в искусственную еду, ничем (так, во всяком случае, меня уве-

ряют) не отличимую по вкусу и виду от настоящих, выращенных в грунте овощей и фруктов, которые человечество вкушало до Гибели Природы. Поэтому можно сказать, что я пробовала клубнику, хотя последняя подлинная клубничина на Земле засохла двести лет назад.

Биоразводные станции строятся сугубо ради пользы, но сегодня ночью это еще и так красиво выглядит! Лихо закрученные в спирали полузавитки внешних труб напоминают какую-то скульптуру, созданную исключительно для услады глаз. Я вдруг останавливаюсь как вкопанная и глазею, глазею в восхищении на это грандиозное сооружение – естественно, тут же кто-то на всем ходу врезается в меня сзади.

– О, привет! – жизнерадостно восклицает парень возраста примерно нашего с Эшем, и в глазах его как будто мелькает проблеск узнавания. Быстро опускаю взгляд и отворачиваюсь. Боковым зрением успеваю заметить, как он пожимает плечами и продолжает свой путь.

Это мимолетное столкновение меня пугает. Можно ли мне идти на такой контакт? Не знаю. Стоило незнакомцу поздороваться со мной, и мне захотелось бежать без оглядки. Или наброситься на него с кулаками. Или свиться в клубок. А как реагировать на «привет» правильно? Сердце отчаянно трепыхается у меня в груди, дыхание – учащенное и неглубокое. А толпа по мере приближения к кварталу развлечений все разрастается и густеет. «*Пожалуйста, пожалуйста,* – мысленно молю я это людское море, – *только не смотри-*

те на меня. Дайте мне на вас посмотреть, не обращайте внимания, сделайте вид, что я – часть потока». Ясно чувствую: если со мной заговорит кто-нибудь еще, я просто не выдержу. Распадусь на атомы.

Но несмотря на захлестывающую тревогу, ноги продолжают тащить меня вперед.

В моем родном районе ночные огоньки сверкают красиво и скромно, даже застенчиво, бледно-зеленым ртутным цветом, они словно кружатся в нежном танце, поддерживая в тебе ощущение покоя и безопасности. Так, наверное, и задумано в элитном жилом массиве. Здесь – не так, здесь свет создает пышные узоры, говорит, кричит сам за себя ослепительным, динамичным, пульсирующим блеском.

На домашних занятиях по экоистории мне доводилось видеть в учебных фильмах кадры с великолепными коврами полевых цветов, с лесами, которые окрашивались осенью в багряно-золотые тона, с ярко-голубыми океанами, отороченными по краям пенисто-белыми волнами. Но сияние самого шикарного развлекательного комплекса в Эдеме затмевает всё, уж поверьте мне. Художники-конструкторы нашего города создали такую панораму, такой калейдоскоп оттенков и красок, что у меня от них просто в глазах рябит и режет. Интересно, у всех остальных тоже? Наверное, нет. Наверное, они привыкли и, по большому счету, уже ничего такого не замечают.

А красиво – хотя красота эта и холодна. Заставляет снова

вспомнить о естественных красотах природы, обо всем том, чего никто из живущих никогда не увидит. Пока же – вот нам всем дикий пейзаж Эдема, лучшая человеческая среда из возможных до тех пор, пока планета не исцелится.

Дикий пейзаж, и в дебрях его – я. Справа – открытый вход в какой-то клуб. Изнутри доносится странная, но завлекательная музыка, и разлетаются пульсирующие лучики всех цветов радуги. Я прохожу мимо, украдкой стараясь заглянуть внутрь, – там, подняв руки над головами, в зажигательном танце вращаются люди. Дальше – театр, заведение более чинное. Неоновая бегущая строка зазывает публику на какую-то утонченную интеллектуальную комедию. Завидев у дверей капельдинера в униформе, я невольно вздрагиваю… но нет, его мундир – ярко-зеленый с желтоватым отливом и медными пуговицами – только отдаленно напоминает форму зеленорубашечника, а на самом деле – совсем другой.

Тут прямо над ухом у меня раздается перекличка громких голосов, я едва удерживаюсь от стремительного бегства – и опять напрасно: это всего лишь компания молодежи спорит о чем-то оживленно и весело. Юнцы запальчиво кричат, но при этом улыбаются, а я опять глазею, глазею, оторваться не могу… пока не вспоминаю, какие у меня необычные радужные оболочки. Едва успеваю отвернуться…

Так. Надо взять паузу. Нужна хотя бы коротенькая передышка от всех этих внешних факторов. Нет ли тут места, откуда меня видно не будет, а я смогу продолжать осмотр?

Вот как раз между двумя зданиями открывается узкая подворотня. Эш рассказывал, что такие оставляют специально для уборкоботов и транспортоботов – вездесущих помощников человека, которые деятельно снуют по всему Эдему.

Вот как раз впереди посреди улицы перекатывается приземистый подвижный кусок металла – уборкобот. Перекатывается, втягивает особым пылесосом все, что ему попадется, от крупного мусора до мельчайших клочков волос и даже чешуек отшелушившейся человеческой кожи. Все это будет потом отправлено в пункты утилизации и тем или иным способом переработано для дальнейшего использования.

А вот – изящной формы серебристый транспортобот, гудком предупреждая гуляющих о своем приближении, стремительно поспешает куда-то с доставкой из «Смачных чапати[4] с пылу с жару» – самого популярного (по словам Эша) ресторана, торгующего навынос.

Однако в «мою» подворотню ни тот, ни другой сейчас вроде бы нырять не собирается, так что здесь я буду в безопасности. Какое-то время.

Как все-таки велик наш Эдем, как необъятен. Он подавляет, но отсюда, из кстати подвернувшегося укромного уголка, можно слегка разобрать его «по щепочкам». Так проще погрузиться в его атмосферу. Люди скользят бесконечным потоком, и за секунду, в течение которой каждый из них оста-

[4] Лепешка из пресного теста, популярное блюдо индийской кухни.

ется на виду, я пытаюсь подсмотреть что-нибудь из его жизни. Так, на пробу, для первого раза – вполне достаточно…

Идет пара. Мужчина и женщина, держатся за руки, голова склонена к голове. Он что-то шепчет ей на ухо. Оба исчезают из поля зрения, но смех их продолжает еще несколько мгновений звенеть у меня в ушах. Затем появляется целая группа мужчин в абсолютно одинаковых майках – наверное, игроки какой-нибудь спортивной команды. До меня доносится странный, непривычный мужской аромат их разгоряченных тел, и я даже делаю полшажка вперед, чтобы получше унюхать его, но тут же, опомнившись, прилипаю спиной обратно к стене. За мужчинами следует хихикающая стайка девчонок – и все они, конечно, наперебой обсуждают то, что видят перед собой. «Классный тизак!» – прыскает одна, плотоядно облизываясь. Другая свистит – утробно и одобрительно. В мою сторону ни одна не смотрит – я мысленно благодарна девчонкам за это. И в то же время мне становится грустно.

5

Какой толк здесь находиться, – мысленно ругаюсь я, – если все время торчать в темной подворотне? Давай, девочка, шагай туда, куда хотела, – навстречу огням и ярким краскам! Неужели ты затеяла все это, рискнула своей безопасностью, а скорее всего и жизнью, решилась на такое головокружительное приключение только затем, чтобы тут же снова забиться в тень, спрятаться от людей?

«*Возможно, что и так*», – отвечаю я себе на этот вопрос. Меня разрывает на части, тянет в противоположные стороны, я чувствую одновременно робость и отвагу. Отчаянно хочется вступить в общение с людьми. С одной стороны. С другой – колотит нервная дрожь, а на языке словно гири повисли. Не сомневаюсь: открой я рот – тут же сморожу какую-нибудь глупость.

И главное: ну не безумие ли с моей стороны больше бояться унижения или осмеяния от посторонних, чем поимки блюстителями порядка? Определенно что-то со мной не так.

В конце концов злость, как всегда, побеждает страх – она все еще кипит во мне из-за обиды, из-за великой несправедливости: меня, перворожденную, безжалостно обрекли на заточение! Ну же, приказываю я себе, наверстывай упущенное, ступай смело вперед.

Я вылезаю из подворотни, сворачиваю за угол… и тут же

впечатываюсь прямо в широкую грудь зеленорубашечника.

Я понимаю, что реагирую на это чрезвычайное происшествие неправильно, понимаю уже в процессе реакции. Надо вести себя спокойно. Нормально. Но мне неизвестно, что значит «нормально». Как это выглядит на практике? У меня перехватывает дыхание, я в панике поднимаю голову и вперяюсь прямо в него расширенными от ужаса глазами. То есть – моментально выдаю себя с потрохами.

Но он, наверное, зеленый новобранец, – *мелькает у меня в голове*, – поскольку ничего не понимает и не предпринимает, просто таращится на меня в ответ. Этот парень намного выше меня и шире в плечах, но выглядит совсем молодым, лет на двадцать с хвостиком, не больше; из-под шлема выбивается челка тонких белокурых волос. На груди вышито имя: Рук. Рук делает глубокий вдох, его губы приходят в движение, словно он вот-вот начнет говорить, но никак не решится. Ясное дело: смотрит в мои глаза и не верит своим. Их ведь там к этому готовили (я буквально слышу, как шестеренки скрипят в его мозгу)… Но он наверняка и представить себе не мог, что когда-нибудь в реальной обстановке столкнется со *вторым ребенком*.

Рука зеленорубашечника взлетает к радиомикрофону, закрепленному на плече, но кнопку вызова он не нажимает и подкрепления не вызывает, а вместо этого просто командует:

– Ни с места! – очень низким голосом.

Ага, черта с два – «ни с места»! В неразберихе моих эмо-

ций все еще главенствует ярость. Я устремляю на парня злой недоверчивый взгляд.

– Правда? Стоять смирненько, значит? – говорю я и обеими руками (сама от себя в шоке) отталкиваю его изо всех сил в сторону.

Представьте, он слегка пошатнулся. Я, конечно, вихрем пускаюсь наутек… только чтобы через несколько шагов опять налететь на опасность – теперь в виде охработа.

Эти конструкты совсем не похожи на маленьких, компактных и безобидных помощников человека – уборкоботов и транспортоботов. Охработы – длинные, угловатые, на шарнирах, а в их движениях и осанке проскальзывает даже что-то от приматов. То есть, не то чтобы они напоминали людей, нет – они из металла, напичканы микросхемами, у них отсутствуют кожа и выражение «лица». Но все же нечто зловеще-человеческое им свойственно. Как бы это объяснить? Словно машина задалась целью создать полноценного человека – и вот какое чудовище у нее получилось.

Такие роботы неустанно патрулируют Эдем и выискивают любые признаки нарушения приказов Экопана. Большей частью им приходится заниматься рутиной: нарушением правил обращения с отходами. Порочным поведением отдельных граждан, чреватым порчей генофонда. Уничтожением государственного имущества. Но это ничего не значит – охработы всегда начеку, всегда готовы и к более серьезным делам: к борьбе с организованной преступностью, например.

Или с сектами еретиков, которые, по слухам, распространяют древние народные верования в право человека господствовать над всеми остальными существами. Ну, и со второрожденными тоже – можно не сомневаться.

Но на сей раз я действую более разумно и осмысленно: просто отскакиваю в сторону, как только охработ начинает меня сканировать. Надеюсь, у меня это получилось достаточно быстро, чтобы лишить его возможности завершить процесс. До лица моего он наверняка не успел добраться. А вот тот зеленорубашечник – точно успел. Вон он, уже приближается сзади, орет: «Стоять!», бросается наперерез и – промахивается. Я ловким кульбитом увертываюсь, Рук вместо меня хватает робота, и оба валятся на землю в каком-то безумном, фантасмагорическом слиянии горячей плоти с холодным металлом. Впрочем, мне некогда любоваться этим зрелищем или благодарить за спасение счастливую звезду – надо скорее нырять опять в толпу. Неподалеку как раз только что закончился концерт, и я с легкостью теряюсь в гуще тел, вываливающихся из театра.

Всю жизнь я чувствовала себя потенциальной добычей – это верно. Но на меня еще никто не охотился. В отсутствие опыта и развитого инстинкта самосохранения мне просто необходимо хорошенько продумать варианты спасения от погони. На первых порах все просто: ты бежишь, прорезаешь собой толпу, и она милостиво расступается перед тобой. Все ведут себя вежливо, мягко, покладисто – ведь у них

нет повода думать, что ты тут – *чужая*. Перед моими глазами мелькают десятки улыбок, а какая-то пожилая женщина кричит вслед:

– Полегче, полегче, деточка, не волнуйся, без тебя не начнут!

Но рано или поздно – точнее, очень скоро, это вопрос секунд, – зеленорубашечник очухается, кое-как встанет на ноги и снова погонится за мной. А охработ суммирует все, что смог с меня считать. Разошлет ориентировки по всему Эдему. Вот тогда-то начнется настоящая травля зверя. И каждый из этих улыбчивых горожан превратится в моего личного врага.

Однако, кажется, я уже достаточно далеко оторвалась от преследования, чтобы слегка замедлить шаг. Стремительно бегущий человек слишком обращает на себя внимание. Лучше, очевидно, не придумаешь, чем сделать ставку на простую тактику слияния с толпой – не высовываться из нее. Половина народа здесь – примерно моих лет: чуть младше или чуть старше двадцати. Многие примерно так же, как я, одеты – в школьную форму. Это – «пробирное клеймо» и отличительный признак каждого молодого гражданина Эдема, как в стенах учебных заведений, так и за их пределами. Фасон стандартный: мешковатые брюки, аккуратные облегающие эластичные майки, ну и, если погода, как сегодня, прохладная, еще и куртки с широкими накладками на плечах, а вот цвет формы у каждой школы свой, так что можно

сразу определить, из какого парень или девушка примерно района и с кем водят дружбу. В наши дни эдемские ученики – что разноцветные рыбки в аквариуме. У Эша, к примеру, форма (я как раз сейчас в ней) – красивого, даже изысканного оттенка – переливчато-золотого, как песок пустыни. Под стать самому названию школы: «Калахари». В «Макао» она бордовая, ученики «Ириса» носят яркую сине-фиолетовую, «Цветущая вишня» выбрала интенсивный лососево-розовый цвет. Хорошо, что цвет одежки Эша не из самых кричащих, в ней я не выделяюсь из потока прохожих.

С опаской, украдкой бросаю взгляд назад и к удивлению своему не замечаю ничего особенного. Никаких признаков погони, волнения или суматохи. Никто не кричит, не видно мигалок. А ведь «мой» зеленорубашечник уже должен был давно связаться со своими товарищами.

В общем, я продолжаю свой путь вдоль окружности района развлечений, торопливо, но без суеты. По-хорошему надо бы выскользнуть из него, свернуть на какую-нибудь сквозную улицу и перейти на другое кольцо. Направляться сейчас прямо домой кажется слишком опасным. Без глазных имплантов им никак не установить, кто я, собственно, такая и где моя семья. Значит, надо опасаться только одного: тупо на собственном хвосте привести неприятеля прямо к воротам своего дома.

Еще можно направить стопы в другую сторону от Центра, к Внешним кварталам. У меня было время досконально изу-

чить карту Эдема, и я практически уверена, что не заблужусь в паутине колец и радиусов огромного города. Другое дело, что даже в *этой* толпе нервы у меня натянуты, как струны, – а здесь, во Внутреннем округе, заметьте, я среди людей с достатком, воспитанных, образованных и культурных. А по мере увеличения дистанции от Центра ухоженные личные особнячки на одну семью и ярко освещенные магазины все явственнее будут уступать место переполненным многоэтажкам, где обосновался средний класс, и тесным тротуарам, где задерганные работой пешеходы за милую душу растопчут тебя в спешке и ухом не поведут. Ну, так, во всяком случае, уверяет Эш, хотя он редко бывал дальше, чем за два Кольца от дома.

Ну, а за эти ужасы, на самую Периферию у границы с Бесплодной пустыней – я уж точно не посмела бы сунуться.

Вот и остается вертеться в этом бесконечном Кругу увеселений, никуда не сворачивая и как бы невзначай прибиваясь то к одной группе прохожих, то к другой – маскировки ради. Дескать, я тут в своей естественной среде. Как могло случиться, что за мной нет погони? Может, я настолько проворно отпрыгнула от охработа, что он вообще не успел меня «срисовать»? Или скан повредился в электронных мозгах, когда на него свалился зеленорубашечник? Или сам этот бедняга Рук в падении потерял сознание и потому не дал сигнал тревоги?

Короче, я очень устала – от долгой беготни, от стресса,

и в особенности, думаю, от собственной злости. Ярость, как выясняется, страшно выматывает.

Впереди, у краешка плавно изгибающегося по окружности тротуара, словно по моему заказу возникает металлическая двухместная скамейка в форме тигра. Отлита она в такой позе, будто роскошный зверь с оранжевой «шкурой» в черную полоску готов покровительственно обнять каждого садящегося своим мощным туловищем и лапами. Я плюхаюсь на одно из мест, и меня сразу начинает беспокоить второе, пустующее. Надо бы сделать вид, что я кого-то очень жду. Что я вообще не одинока в этом людском океане. Улыбка у меня получается (по собственным ощущениям) явно натянутой, но я вполне правдоподобно вглядываюсь в толпу, как бы высматривая в ней кого-то конкретного. А что, если кто-нибудь примет мою игру и улыбнется в ответ? А потом еще «отколется» от своей компании – тут, похоже, почти все отрядами ходят – и захочет составить ее мне? Присядет рядом, скажет «привет», заглянет в глаза…

Я поспешно щурюсь и опускаю взгляд на свои руки, намертво зажатые между колен. Сейчас определенно неподходящий момент для новых знакомств.

Тем временем, рассматривая собственные руки и колени, я проворонила приближающуюся опасность. Впрочем, кажется, это дела не меняет. Получается даже лучше. Заметь я ее заранее, запаниковала бы, вскочила с места, понеслась прочь и этим себя бы выдала. А так – сижу спокойно и невин-

но, как ни в чем не бывало на скамеечке, а опасность в буквальном смысле нависает надо мной. Я ее уже в этой позиции и обнаруживаю.

По пешеходной дорожке прямо ко мне медленно направляются двое зеленорубашечников. Я снова быстро опускаю голову, но на долю мгновения все-таки пересекаюсь взглядом с одним из них. И им оказывается *тот самый*. Сердце мое пускается галопом вскачь, а остальные органы, наоборот, окаменевают. Я прекрасно понимаю, что сейчас произойдет. Он крикнет: «Держи ее, вот она!», оба на меня навалятся, потащат в Центр, ну а потом…

Но ничего не происходит. Ровно ничего.

Стражи порядка спокойно продолжают приближаться.

Решаюсь метнуть на них еще один молниеносный взор. Молодой, со светлой челкой, смотрит в прямо противоположную сторону. Что это значит? Он *не мог* меня не опознать.

Второй зеленорубашечник – постарше, с золотыми нашивками на рукавах – замедляет шаг прямо напротив моей скамьи.

– Получается, Рук, тот робот подал ложный сигнал?

– Получается так, сэр, – слышен голос молодого. – Я находился в непосредственной близости и ничего необычного не заметил.

Не верю своим ушам. Почему этот парень солгал? Почему не рассказывает, что там у нас случилось на самом деле?

– Ну, значит, это был глюк, – заключает сержант. – В памяти не сохранилось никаких данных. Вероятно, он вообще никого не сканировал. Но все равно не теряй бдительности. Всматривайся в лица. Не упускай ни единой мелочи.

Старший демонстративно впивается глазами в толпу. Они стоят ко мне так близко, что при желании я могла бы протянуть руку и стремительным движением разоружить обоих. Любые огнестрельные устройства смертельного действия запрещены еще с момента основания Эдема, но несмертельные, плазменные, в распоряжении блюстителей закона остались, и боевой мощи такого оружия вполне достаточно, чтобы лишить объект способности сопротивляться.

С уверенностью не скажу, но мне показалось, что младший зеленорубашечник опять чиркнул по мне взглядом. Еще немного – и я грохнусь в обморок. Сержант медленно, на каблуках поворачивается в мою сторону…

– Ну и ну! – вдруг восклицает Рук таким тоном, словно его поразила неожиданная мысль. – Стало быть, глюк? Но все охработы управляются непосредственно Экопаном. Неужели у Экопана случаются глюки?!

И тут же я инстинктивно ахаю, поскольку мой спаситель получает от непосредственного начальника мощный тычок в солнечное сплетение – такой силы, что сгибается пополам, как подкошенный.

– Еще раз брякнешь своим поганым ртом подобную мерзость, вылетишь из органов.

И сержант подкрепляет свою угрозу жестом, знакомым мне по учебным фильмам из курса обществоведения: кулак сжимается на уровне пояса, затем разжимается ладонью вовнутрь, и уже открытая ладонь поднимается на уровень лица. Символ зерна, прорастающего к новой жизни. Изображая его, сержант слегка наклоняет голову в знак благоговения.

– Прошу прощения, сэр, – лепечет юный зеленорубашечник и вслед за старшим направляется дальше по тротуару.

Сердце падает куда-то на дно живота. Кажется, меня сейчас стошнит. Что это было, прах побери? Почему зеленорубашечник Рук меня не выдал? Ведь зеленорубашечники призваны стоять в первых рядах защиты Эдема от любой угрозы его благополучию! Кто, как не они, славятся особой непримиримостью в этом отношении? Он обязан был наброситься на меня в ту же секунду, как заметил, повалить на землю, скрутить, заключить под стражу…

Вместо этого, когда сержант уже почти засек меня, он нарочно бросил святотатственную реплику в адрес Экопана, вызвал на себя гнев командира и тем отвлек его от близкой и легкой цели.

Еще минуту остаюсь сидеть как вкопанная – все равно ноги вряд ли станут слушаться меня прямо сейчас. Глазею на прохожих, те, словно птицы в ярких перьях, беззаботно порхают мимо меня туда-сюда. И никто не догадывается, что за птица – я. И кто я, собственно, такая, как меня зовут… Толь-

ко одиночество, анонимность может защитить меня. Я всегда буду одна – до тех пор, пока не получу новые документы. Но тогда *я стану уже не я*.

Внезапно с левой стороны доносится какое-то жужжание. Повернув голову, вижу, как прямо на меня несется сверкающий металлом робот. Значит, все-таки натравили! Вскакиваю на ноги, чтобы бежать, но ноги еще подгибаются, и раньше, чем я успеваю, пошатываясь, хотя бы начать движение, безжалостная машина на полном ходу врезается мне в голень. Я громко взвизгиваю – сперва от боли, затем от облегчения. Какое счастье! Это не охработ, а всего-навсего крошка-транспортобот со своей доставкой еды. Он раздраженно пищит, перенастроив навигатор, объезжает меня кругом и направляется дальше по своим делам.

Роботы славятся быстротой реакции. Помню, в одной из хрестоматий Эша по обществоведению я читала: в них специально закладывали особые программы ненавязчивости – уклонения от лишних контактов с людьми, чтобы они перемещались по городу в абсолютно автономном режиме, не создавая нам при этом ни малейшего неудобства. В одном из разделов специально подчеркивалось: как быстро ни двигался бы робот, он не наедет на человека. Ни за что и никогда.

Но ведь на меня этот транспортобот именно наехал – не «задумываясь», словно в упор не видел.

И я погружаюсь в размышления о световых пятнах, которые заботливый город зажигает перед каждым своим жи-

телем. Они сопровождают его от родного порога до самых до окраин, в любые уголки Эдема, и гаснут за его спиной, как только он пройдет, – нужно же экономить драгоценную энергию. Только передо мной ничто не зажигается и за мной ничто не гаснет. Мои пути погружены во тьму.

Неужели дело обстоит именно так – город просто меня не узнает, не улавливает?

От этой мысли внезапно сводит живот. То, что я – великая тайна, мне давно известно. Но еще и невидимка? Значит – вообще *не в счет*? Конечно, в нынешних обстоятельствах это мне на руку. Но почему-то обидно до боли. Во мне вдруг рождается безумное желание что есть мочи завопить: «Посмотрите же на меня!»

Кстати, кое-кто из прохожих обратил внимание на маленькое происшествие с роботом – теперь меня с любопытством разглядывает несколько пар удивленных глаз. Какая-то старушка интересуется: «Вас не ушибло, юноша?» Мне очень хочется хорошенько рассмотреть ее – первого человека из реального мира, проявившего ко мне крупицу участия. Но даже чуть приподняв голову, я не забываю опустить ресницы. Заглянув в мои «ненормальные» калейдоскопические глаза, она бы поняла, что в них нет линз. И сразу догадалась бы – перед ней *второй ребенок*.

Так что вместо нормального ответа я надвигаю пониже на лоб светло-золотистую форменную школярскую кепочку и бормочу что-то заведомо неразборчивое.

– Да все с ним ясно, – презрительно бросает кто-то еще из толпы. – Эти *тизаки* из «Калахари» пить *аквавит* не умеют, куда уж им.

Естественно, я в жизни не брала в рот аквавита – очень крепкого и пряного спиртного напитка с резким запахом – когда бы я успела?

Надо заставить себя снова встать на ноги и хоть украдкой взглянуть – кто это сказал. В поле моего зрения попадает группа ребят в спортивных майках – видимо, из школы, конкурирующей с нашей. Точнее, конечно, с Эшевой.

– Ладно тебе, не злобствуй, – осаживает первого оратора кто-то из друзей. – Слышь, паренек, если ищешь своих из «Калахари», то они гуляют в клубе «Тропический лес», это через улицу.

Только теперь припоминаю – Эш говорил об этой тусовке. Туда собирался весь его класс – праздновать сдачу полугодовых экзаменов. Весь класс – кроме него: во многом потому, что нашей семье вообще приходится сидеть тихо. Мой брат, конечно, не из тех, кому может грозить попадание в участок, но стоило бы ему хоть раз оказаться не в той компании, хоть чем-то привлечь к себе нездоровое внимание, или, не дай бог, дать повод для обыска в доме – и все, катастрофа…

Короче, Эш почти никогда не ходит на общие праздники. Наверное, отчасти и *ради меня* тоже. Чтобы мне не приходилось завидовать – вот, мол, он там веселится, а я сижу взаперти. Он не понимает, что меня приводит в ужас даже са-

ма мысль о вечеринках. Огромная куча народа, все на тебя смотрят, заговаривают с тобой…

Однако теперь у меня нет выбора. Большинство свидетелей уже потеряло интерес к странному инциденту, на минуту нарушившему обычное течение их развеселой ночной жизни, но те, кто остался «досматривать», чем дело кончится, явно ожидают, что я теперь направлюсь к своим из «Калахари» – на гулянку. Значит, остается одно: отправляться туда, куда они меня направили, опустив голову как можно ниже. Что ж, буду идти в сторону этого «Тропического леса», пока не скроюсь из их вида, а потом – сразу домой. Лучшего способа погасить опасное внимание к своей особе теперь не придумаешь.

Иду своей дорогой, никто меня больше пока не тревожит, и вспоминаю, как меня назвала та женщина: юношей. Да, в мешковатых брюках и свободной куртке, с волосами, заправленными под кепку, я, пожалуй, схожу за парня. Собственно, в таком виде мы с моим братом-близнецом Эшем – точные копии. Это соображение придает мне уверенности. Может, я в этом мире и чужая, но он-то – свой. Прикинусь им, и сразу почувствую себя смелее. Решительнее.

Однако опасность отнюдь не миновала. Не только проклятые глаза, но еще множество мельчайших деталей выдают во мне *второго ребенка*. Нельзя забывать прибиваться потеснее к другим пешеходам, не то кто-нибудь заметит, что у меня нет своего светового пятна. В остальном же я в сво-

ей ненавязчиво переливающейся золотистым цветом форме этой ночью, пожалуй, мало отличаюсь с виду от прочих гуляк-школяров… Вот уже и клуб «Тропический лес» – дорога заняла всего несколько минут. Мимо него захочешь – не пройдешь: внутри оглушительно пульсирует музыка, сквозь открытую дверь видны десятки бьющихся в энергичном танце тел, а какие-то дикие крики перекрывают даже весь этот грохот. Не для меня местечко. Закусив губу, я разворачиваюсь на девяносто градусов…

И тут же вижу, как из-за угла в конце квартала выруливает зеленорубашечник. *Бац*! Не поразмыслив ни секунды, пикирую прямо в «Тропический лес» и мгновенно погружаюсь в толчею сверкающих огней, звуков и тел. Оформлено заведение и вправду под какой-то давно исчезнувший с лица земли участок влажных джунглей, с мощными деревьями (синтетическими), птицами, лягушками и оцелотами (механическими). Кроме того, громкую музыку пронизывают резкие нестройные шумы непонятного происхождения – вероятно, они исходят от искусственных насекомых, поющих под суррогатным небесным сводом.

Дыхание мое учащается. Я прикрываю глаза почти полностью, оставляю только щелки, чтобы видеть перед собой узкую полоску пола, и начинаю пробиваться к задней части клуба, стараясь как-то подавить смятение, охватившее сразу все органы чувств. А оно все-таки переполняет меня до краев.

Снова в кого-то врезаюсь – нельзя не заметить, что до сей поры все мои «светские связи» возникают в результате физических столкновений… Мой взгляд останавливается на данной случайной «жертве», и вид ее пугает меня. Вроде мужчина… но не совсем. *Уже* не совсем. Сперва мне кажется, что у него просто разрисована вся кожа, но, присмотревшись, я понимаю, что она, скорее, «вылеплена» – под нее вживлены какие-то импланты, придающие ей весьма странную текстуру. Усиливают эффект многочисленные татуировки, благодаря которым открытые участки тела (то есть почти все) поблескивают прихотливым узором змеиной чешуи. В полном замешательстве я совершаю ошибку: заглядываю ему в глаза и вижу, что они – золотистые, с вертикальными черными прорезями для зрачков. Поистине рядом с ними *мои* смотрятся более чем нормально! Наверное, это такие контактные линзы, что же еще?.. Незнакомец глядит на меня в ответ (моих глаз под козырьком кепки не рассмотреть) и вдруг выстреливает в меня языком. Раздвоенным, как у настоящих змей из анимационных видео по экоистории! Затем диковинный незнакомец, извиваясь, опять-таки на манер рептилии, уползает в толпу.

Я слыхала, что среди современных молодых людей есть заядлые фанаты вымерших животных, которые воспринимают свою внутреннюю связь с ними так серьезно, что чувствуют зов к превращению в них. В буквальном смысле. Эш не особо много о них рассказывал.

Во внутренних кругах это не принято. Однако же, как я слышала, люди, живущие подальше от Центра, целые состояния тратят на то, чтобы изменить свою внешность и походить на животных. Иные, по словам Эша, находят, что появились на свет не в том виде, что им следовало бы родиться не людьми, а животными. Они называют себя «бестиями».

Я никогда не думала, что смогу увидеть кого-нибудь в этом роде. Это почти то же самое, как увидеть живую змею. А сейчас я смотрю, как он танцует: руки закинуты за голову, тонкие, гибкие бедра извиваются.

В зале полно такого рода диковин. На многих молодых людях блескучая одноцветная школьная форма. На одних она отсвечивает золотом – эти из «Калахари», школы Эша. Иные несколько старше, из школьного возраста вышли, их одеяние – дань исчезнувшим видам. Какая-то женщина покрыта пластмассовым перьями, хотя ни одну из птиц, что я видела на видеороликах по Экоистории, она не напоминает. Другая нарисовала на себе пятен и начесала короткие волосы так, чтобы уши немного походили на кошачьи. Впрочем, в сравнении с мужчиной-змеем обе выглядят искусственно. Под конец представления они повыдергают перья, смоют пятна и снова сделаются людьми. А в следующий раз кто-то превратится в рыбу, кто-то в волка.

Наконец я добираюсь до дальнего конца зала. Отсюда расходятся два коридора – один, насколько можно судить по аппетитным запахам, ведет в кухню, другой – к туалетам. Этот

последний я и выбираю, полагая, что так привлеку меньше внимания и в надежде на черный ход.

Есть! Я бросаюсь к двери и уже наполовину распахиваю ее, чтобы очутиться в благословенном безлюдье какого-то проулка, когда за спиной моей раздается голос:

– Эш? Это ты?

Я поворачиваюсь и вижу в тени Ларк. Эш столько раз показывал мне ее фотографии, что я заучила ее черты наизусть.

На ней платье цвета весенних, только что народившихся желто-зеленых листьев.

6

Мне показалось, будто тучи, застилавшие небо жизни моей, внезапно рассеялись и солнце устремило свои сияющие лучи прямо на меня. Чем пристальнее я вглядывалась в Ларк, тем сильнее охватывало меня какое-то странное томление. Чувство было такое, словно я знала ее всю жизнь, и вот уже между нами наладилась полная гармония. Словно я продолжаю кажущийся бесконечным бег, а она – возникшая наконец впереди финишная черта.

– Эш, ты что? – спрашивает она голосом, напоминающим аромат меда в давно вымершем улье. Никогда такой сладости ни в чьем голосе не слышала.

В коридоре полумрак, и я понимаю, что сейчас ей не увидеть, какие странные у меня глаза. При таком освещении меня не отличишь от брата-близнеца. Волосы у меня спрятаны под школьной кепкой, а куртка, скорее всего, скрывает округлости. По внешности же мы, хоть и сходны не один к одному, но в школьной форме Ларк, естественно, примет меня за Эша.

Пока я не заговорю.

Иллюзию мне разрушать не хочется, и я просто качаю головой, давая ей понять, что ничего, мол, все в порядке. Она делает шаг в мою сторону.

Надо уходить. Просто удалиться, не оглядываясь. Если

она приблизится еще на шаг, увидит мои плавающие глаза. А если я открою рот, то поймет, что я – не Эш.

– У тебя приступ? – не уступает она, наклоняясь ко мне. Я ощущаю исходящий от нее приятный аромат. Не то чтобы именно сладкий, нет, скорее пряный, густой, какой бывает, когда дождь увлажняет мох у меня во дворе. – А то у меня запасной ингалятор есть, на случай, если ты свой забыл. – А я думаю, как же они должны быть близки, если она не только знает все о его здоровье, но и имеет при себе лекарства.

Нет, я не могу уйти от нее. Волосы у Ларк сиреневого цвета, глаза серые, блестящие, огромные, и из них на меня изливается участие и дружеское расположение. Видеть ее это как… как видеть какой-нибудь из исчезнувших видов, что показывают в роликах по Экоистории. Райская птица. Ягуар. Такие, как она, за всю жизнь мне почти не встречались, да, собственно, вживую я их вообще не видела. Я знаю, что это мираж, такой же, как силуэты давно исчезнувших животных в моих видеороликах и воображении. Если она узнает, кто я, тут же крикнет, призывая стражей порядка. Она Эшу приятельница, а не мне.

Но сейчас, на один короткий миг, я могу позволить себе притвориться.

Я стараюсь запомнить каждую мелочь нашего свидания, чтобы потом вполне насладиться ими. Тем, как светятся в полумраке ее волосы цветочного оттенка, ее немного растрепанными локонами. Тем, как она переступает с ноги на ногу,

готовая вот-вот приблизиться ко мне, перенести тяжесть тела на выставленную вперед ногу и сделать шаг, но почему-то не решается.

Вот сейчас, в этот волшебный миг, у меня есть друг.

Это прекрасно.

И это ужасно, потому что в любой момент очарование может рассеяться.

– Эш? – вновь спрашивает она, на сей раз неуверенно.

– Все в порядке, – откликаюсь я, стараясь говорить глуше. Мне странен собственный голос. Ей, наверное, тоже, судя по тому, что она немного хмурится и между бровями у нее образуются две симпатичные морщинки. Голова у нее склоняется набок, как у птички.

Затем она внезапно опускается на низкую скамейку, тянущуюся вдоль стены всего коридора. Я осторожно сажусь на такую же, со своей стороны. Каждая из нас застолбила свою территорию с пролегающей между ними границей в виде коридора. Она не приближается. Может, мне удастся ухватить еще несколько мгновений этого сладостного рая.

– Ты… ты сегодня вроде какой-то не такой, Эш, – говорит она, и я не могу удержаться от смеха. – Ну вот, теперь совсем другое дело! – и морщинки у нее разглаживаются, словно рассвет наступил. Смех у нас с Эшем совершенно одинаковый – низкий, гортанный. – Я думала, ты нынче вечером не выберешься.

Перед тем как сказать что-то, я медленно, глубоко вдох-

нула.

– Да нет, я должен был выбраться. – Голос у меня звучит странно, скрипуче. – Я должен был… – запнулась я. – Я должен был увидеть тебя.

Даже в темноте я замечаю, как она вспыхнула. Коридор тут голый, неброский в сравнении с основными помещениями – с их безвкусными декорациями в виде залитых потоками воды джунглей. Но Ларк освещает их, словно тысячи фонарей вспыхивают.

– Ты это серьезно? – спрашивает она.

– Совершенно серьезно, – говорю я. – Мне кажется, что я всю жизнь ждал сегодняшнего вечера.

Какое-то время Ларк молчит. И все время вглядывается в меня. Мне хочется отвернуться, но не выходит. Остается лишь молиться матушке-Земле, что при таком освещении она не заметит странности моих глаз. Но даже если бы это помогло мне избежать смертельной угрозы, клянусь, я не смогла бы отвести взгляд.

Наконец она заговаривает:

– В твоих глазах что-то новое. – Я мгновенно опускаю голову. – Впрочем, нет, не в глазах. Глаз твоих не видно, они в тени. – Я с облегчением вновь смотрю на нее. – Выражение какое-то необычное. Что-нибудь случилось? – Какое-то время она смотрит на меня. – Все ясно. Ничто тебя не тревожит, – со вздохом говорит она. – Радуешься жизни для разнообразия. – Она улыбается, и меня омывает волна счастья.

Я улыбаюсь в ответ.

– Точно, – беззвучно говорю я, думая про себя, что радоваться как раз нечему. Жизнь моя в опасности и, даже если я благополучно доберусь до дома, вот-вот перевернется так круто, что, можно сказать, вообще сломается. Но в этот момент я совершенно, безоглядно счастлива.

– Эш, мы дружим с того самого времени, как поселились в этом круге. Иногда мне кажется, что ты вообще лучший мой друг. Но между нами всегда сохраняется какая-то дистанция, и я никак не могу понять, в чем тут дело. Ты всегда вроде как сторонишься меня. И от этого мне становится не по себе. Ни с какими вопросами к тебе я, согласись, не пристаю. Просто мирюсь с тем, что какая-то часть тебя скрывается за стеной.

Я понятия не имею, каков Эш вне дома. Знаю лишь то, что он сам мне рассказывает о своей жизни на людях. Я всегда ревную к тому, что он способен сделать и делает, а я нет (хотя лишь изредка выказываю свои чувства). Но мне и в голову не приходило, что и на публике он несет бремя тайны. Мне казалось, что это только мне приходится сгибаться под этой тяжестью. А теперь мне на ум приходит, и на него она давит, да так сильно, что от Ларк это не укрывается.

– И сейчас тебе нет нужды объяснять мне что-либо, – продолжает Ларк. – Я просто рада видеть, что ты глядишь на мир как на место, где, в конечном итоге, жизнь прекрасна.

Тут она поднимается, преодолевает то крохотное расстo-

яние, что нас разделяет, и неловко наклоняется, чтобы обнять меня. Я напрягаюсь, но тут же сбрасываю напряжение, чувствуя, как через одежду проникает тепло ее рук. Потом лицо ее приближается к моему, ее губы к моим… но внезапно ее глаза расширяются, и она немного подается назад. Но плеч моих из ладоней не выпускает, пожалуй, даже сильнее стискивает.

– О! – выдыхает она, вглядываясь в калейдоскоп моих глаз. – Теперь понимаю.

Я жду, что она закричит, взывая о помощи, устремится прочь, скажет что-нибудь ужасное. Но она прижимается ко мне сбоку, все еще не убирая одной руки с моего плеча, а другой нащупывая мою ладонь.

– Второй ребенок, – негромко говорит она. – Близнец. Я не знала. – Она издает смешок, музыкой звучащий в моих ушах. – Конечно же, я не знала. Но это многое объясняет. Как тебя зовут?

Я лишь тяжело дышу, напуганная и одновременно счастливая тем, что моя тайна наконец-то открылась и что это не повлекло за собой мгновенного приговора. И открылась кому! Ларк, подруге, о которой я мечтала долгие годы. Я пытаюсь заговорить, но нервы у меня натянуты так, что зубы начинают выбивать дробь. Мои пальцы превратились в сосульки в ее ладони, и она принимается растирать мне костяшки своим большим пальцем.

– Все хорошо, – успокаивает она меня. – Если ты сестра

Эшу, то, стало быть, и мне сестра. Я прикрою тебя. Обещаю.

– Рауэн. – Я обретаю голос. – Меня зовут Рауэн.

Она улыбается мне, и возникает чувство, словно на меня кто-то смотрит впервые.

Мы болтаем, будто сто лет друг с другом знакомы. В каком-то смысле так оно и есть. Я так давно слушаю рассказы про Ларк, что она сделалась частью меня самой. А она, наверное, видит во мне так много от Эша, что ей кажется, будто и она меня знает хорошо и близко. По ходу разговора она не сводит с меня глаз, склонив голову набок, на манер своей тезки – птички[5], порой хмурясь, когда что-то в ее догадках обо мне не подтверждается, порой вдруг озаряясь улыбкой, когда какое-нибудь выражение или деталь приходятся ей по душе, совпадают с ее представлениями о том, какова я есть или должна быть. Мне кажется, будто я открыта ей и в то же время представляю собою тайну.

Я рассказываю ей о своей жизни, о бесконечных годах затворничества, которое скрашивают только Эш, мама и папа. О беге по кругу, в никуда, о том, как что ни день я карабкаюсь по стене, окружающей наш двор, и не смею перелезть через нее – так было до сегодняшнего вечера. Я рассказываю ей про одиночество, про страстное желание чего-то, про непреходящую мелкую дрожь тревоги, что трясет меня, словно какая-то неуловимая болезнь. А она только кивает и кивает, порой накрывая мою ладонь своей или поглаживая

[5] Lark (*англ.*) – жаворонок.

по руке. Она на моей стороне, полностью на моей стороне, в этом я убеждена.

И все же, как бы восхитительно ни было ощущение того, что вот наконец появился кто-то, с кем можно поделиться своими чувствами, я почти физически слышу, как в голове у меня звучит голос матери: «Ты – тайна, опасная тайна, которую следует сохранять любой ценой».

Я не слушаю этот воображаемый голос – слушаю, как Ларк рассказывает мне про себя, про свои думы. Эдем ей видится так, как мне раньше и в голову не приходило. В ее представлении город – такая же тюрьма, как наш дом – в моем.

– Неужели, кроме нас, никого не осталось? – Мне остается лишь рассказать ей про то, что я узнала из видеороликов по Истории. Наши предки оказались немногими счастливчиками, выжившими двести лет тому назад. За пределами Эдема людей нет. И животных тоже нет, только немногочисленные колонии лишайников, морских водорослей, бактерий и тому подобных примитивных организмов.

– Но ведь я занималась Экологией и Экоисторией, – порывисто возражает она. – Жизнь – вещь устойчивая, она умеет приспосабливаться. Да, я знаю, люди ужасны, они разрушают вокруг себя все и вся, но Земля могуча. Не представляю себе, что бы такое мы могли сделать, чтобы уничтожить ее полностью. Да, конечно, экологический коллапс. Массовое исчезновение видов, разрыв пищевой цепочки. Но я не могу

вообразить, чтобы исчезло все.

И опять-таки мне остается лишь повторить то, чему меня учили, а именно: за пределами Эдема мир представляет собою бесплодную пустыню, мертвую и нагую.

Но более всего ее отвращает политика: одна семья – один ребенок.

– Человеческие существа – часть природы, – говорит она. – Мы – животные, такие же, как все те животные, что жили когда-то на Земле. А быть животным – это значит размножаться, распространяться, расти.

– Но Эдем не сможет сохраниться, если количество населения будет увеличиваться, – возражаю, хотя этот аргумент означает приговор мне лично.

– Ну, не знаю, – говорит она, упрямо сжимая губы. – Что-то тут не сходится. На школьных видео говорится, что первые обитатели Эдема – это избранники. Из этого следует, что некто – быть может, сам Аарон Аль-Баз, создатель Экопана, – отобрал некоторое количество людей. Но зачем же так много, если впоследствии придется лишь уменьшать это количество?

– Может, просто из сострадания? – предположила я. – Он хотел спасти как можно больше людей, а уж проблемой перенаселения пусть занимаются следующие поколения.

Она покачала головой.

– Он был ученый, программист, человек практический, прагматик. Думаю, для начала он должен был высчитать

именно то количество людей, какое нужно. Но послушай-ка. – И хотя мы и так сидели вплотную друг к другу, плечом к плечу, она наклонилась еще ближе, так что ее сиреневые волосы коснулись моей щеки. Я вздрогнула.

– Моя мама служит в управлении по расселению людей. Однажды, когда ей пришлось работать в выходные, я пошла с ней и весь день, пока она занималась делом, проболталась в архиве. Наверное, это единственное место, где никто не подумал бы меня искать. Кому могут быть интересны старые накладные и списки продовольствия? Но ты же знаешь меня, я не могу не читать.

При последних словах она ухмыльнулась, и мы обменялись понимающим взглядом. Да, я и впрямь знаю ее. Про то, что она только что сказала, я знала за годы до нашего знакомства. Она читает так, как другие люди дышат, беспрестанно, из неодолимой потребности.

– Я принялась листать старые отчеты, напечатанные на плотной бумаге. Ничего существенного вроде того, что хранится в архивах, где работает твоя мама. Просто старые талоны на еду, расписки из фермы колоний морских водорослей, журнал потребления воды. Словом, то, до чего никому нет дела. По большей части старая рухлядь, которую просто сунули сюда за ненадобностью. Вот тоска-то, я… и вдруг мне стало интересно.

Она поведала мне, что эти рулоны машинописных отчетов

относятся ко временам по меньшей мере столетней, а может, и больше, давности.

– И знаешь, что я обнаружила, листая эти наводящие тоску списки и расписки? Что количество ресурсов с годами не уменьшалось.

Надо хорошенько обдумать то, что я только что услышала.

– Ты хочешь сказать, – после некоторого молчания заговорила я, – что еды и воды, и энергии меньше не становится? А ведь именно этим оправдывается политика «одна семья – один ребенок». Количество народонаселения должно уменьшаться, иначе в Эдеме иссякнут запасы всего, и он перестанет существовать.

– И не только, – таинственно прошептала Ларк. – Из того, что я прочитала, следует, что как минимум в нашем районе запасы увеличиваются.

7

Через час я возвращаюсь домой как во сне. Ну, во сне, отчасти напоминающем кошмар. Доныне самые сильные мои переживания были замкнуты такими вещами, как скука, одиночество и временами – надежда. А сейчас я испытала не только совершенно новые чувства, но и обнаружила, что даже те из них, что, кажется, противоречат друг другу, вполне могут сосуществовать. Пробираясь домой вместе с Ларк, я одновременно испытываю страх и головокружение. У того и другого сходные симптомы: колотящееся сердце, дрожащие колени, беспокойно мечущийся взгляд.

Отправляясь в путь, я обнаруживаю, что понятия не имею, где я. Карта, которая, как я всегда считала, имеется у меня в голове, куда-то пропала. Вообще-то это все понятно, и, будь я поспокойнее, вполне сориентировалась бы. Эдем образуется концентрическими кругами, соединенными спицами, так что надо просто зафиксировать гигантский изумрудный глаз Центра и двигаться от него внутрь, пока не наткнешься на свой круг. Но я настолько потрясена всем, что случилось нынешней ночью, что внезапно чувствую, будто совершенно заблудилась.

– Сюда, – мягко говорит Ларк и тянет меня к служебному входу для ботов.

Я упираюсь, задерживаю ее властную руку.

– Уверена? – Вижу, что зеленый купол светится в противоположной стороне. – Мне казалось…

– Я смотрю, что-то нынче многовато зеленорубашечников дежурит. Больше, чем обычно в этом круге. Ты уверена, что тебя раньше никто не заметил?

– Мне кажется… нет, – говорю я. Не хочется пугать ее рассказом о моей загадочной встрече с юным зеленорубашечником.

– И все же зачем-то нынче охрана усилена. Так что лучше пойти в обход. Если обогнуть следующее кольцо, а потом вернуться внутрь по другой оси, меньше внимания привлечем.

Я нервничаю, но верю ей.

– Ты говоришь так, словно уже проделывала такое.

Она лукаво подмигивает мне.

– Пару раз смывалась на собрания, – признается она. Я вопросительно округляю брови, и она бегло поясняет: – Есть люди, которые думают, как я. Люди, которые не уверены, что в Эдеме не все так уж хорошо. Так что, естественно, чем меньше меня замечают, тем лучше. Иногда такие собрания проходят в других кругах, так что надежнее всего – глядеть в оба.

Я понимаю, что она имеет в виду: опасаться приходится не только властей, но и ищеек да стукачей, что водятся во внешних кругах. Эш никогда об этом не заговаривал. Кажется, у Ларк тоже есть своя тайная жизнь.

Я едва замечаю яркие огни, экстравагантные одеяния прохожих. Мы добрались до следующего кольца, и хотя на глаз внутри него далеко не так шикарно и нет того блеска, что в кольце развлечений, ближайшем к моему дому, жизнь кипит и здесь, и украшения, и цвета – что на людях, что на стенах домов – переливаются и пляшут в том же безумном хороводе.

– Стой! – шепчу я, заметив впереди зеленорубашечника. Но Ларк берет меня за руку и тянет в сторону. До этой минуты он нас не видел, но неожиданное движение заставляет его повернуть голову, как на шарнире. Я напрягаюсь, готовая кинуться прочь, но Ларк хохочет и наклоняется ко мне, словно готовясь поделиться каким-то секретом. На самом деле она говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.